

ИСТОРИЯ КАЗАЧЕСТВА

КАЗАКИ НА ПЕРСИДСКОМ ФРОНТЕ

А.Г. ЕМЕЛЬЯНОВ

История казачества

Алексей Емельянов

**Кзаки на персидском
фронте (1915–1918)**

«ВЕЧЕ»

1923

Емельянов А. Г.

Казачи на персидском фронте (1915–1918) / А. Г. Емельянов — «ВЕЧЕ», 1923 — (История казачества)

Книга А.Г. Емельянова (в авторском варианте – «Персидский фронт. 1915–1918 гг.») впервые была издана в Берлине на русском языке в 1923 г. и с тех пор ни разу не переиздавалась. Автор, непосредственный участник боев в Закавказье, описывает бытовой уклад и боевые действия русских войск, находившихся на территории Персии (ныне Иран) в составе Отдельного кавказского кавалерийского корпуса под командованием генерала от кавалерии Н.И. Баратова. Рядовые и офицеры корпуса честно исполняли свой воинский долг даже в мятежное время 1917-го и начала 1918 года, когда русская армия, окончательно разложившаяся под действием революционной пропаганды, уже не способна была воевать. Составители настоящего издания посчитали необходимым поместить в качестве приложения письма великого князя Дмитрия Павловича с персидского фронта, куда он был сослан за участие в убийстве Григория Распутина.

Содержание

Предисловие	5
Глава первая[18]	18
Глава вторая	28
Глава третья	36
Глава четвертая	44
Глава пятая	48
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Алексей Григорьевич Емельянов

Казаки на персидском фронте (1915–1918)

Предисловие

Предлагаемая вниманию читателей книга А.Г. Емельянова «Персидский фронт. (1915–1918)» впервые была издана в Берлине на русском языке в 1923 г. и с тех пор ни разу не переиздавалась. Тому было несколько причин. В Советской России эта книга не могла появиться по политическим мотивам, так как посвящена эпизодам Первой мировой войны, именуемой здесь не иначе как «империалистическая», в итоге проигранной Российской империей и после Октябрьской революции переросшей в братоубийственную Гражданскую. В произведении также фигурируют многие известные персонажи Белого движения, сражавшиеся против советской власти. Некоторые из них погибли в огне Гражданской войны или оказались за пределами Родины. На Западе же эта книга неприятно напоминала бывшим союзникам по Антанте о значительном вкладе России, внесенном в общую вооруженную борьбу союзников с Германией, Австро-Венгрией и Турцией на многочисленных фронтах Великой войны, но лишенной плодов победы.

Автор книги Алексей Григорьевич Емельянов (1856–1923) принимал непосредственное участие в боевых действиях, проходивших в Закавказье: в Персии (ныне Иран) и Месопотамии (ныне Ирак), т. е. в зоне влияния царской России и Великобритании. В какой-то мере это произведение по своей форме напоминает его воспоминания о событиях 1915–1918 гг. в Персии, свидетелем и участником которых он являлся. В центре внимания – описание жизни и боевых действий русских, находящихся на территории Персии в составе Отдельного Кавказского кавалерийского корпуса под командованием генерала от кавалерии Н.И. Баратова. Воинские формирования корпуса, отдаленные порой на сотни верст от главных сил Кавказской армии, исполняли свой долг до конца против внешнего врага даже в мятежное время 1917 и начала 1918 г., когда Русская армия уже не способна была воевать, окончательно разложенная революционной пропагандой. Последний приказ командующего корпусом генерала Н.И. Баратова на Персидском фронте датирован июнем 1918 г. Стоит подчеркнуть, что события переданы достоверно, по-фронтовому, без прикрас, без пагубного влияния официальной цензуры, так как их автор находился в эмиграции, отвечал за точное изложение фактов только перед своей совестью и памятью погибших однополчан. Достаточно подробно в книге описаны климатические особенности, природа региона, культура, быт, традиции и религия местного населения.

Об авторе, к сожалению, известно немного, и его жизненный путь напоминает судьбу многих тысяч русских эмигрантов первой волны. Он родился в семье коммерсанта в Ростове-на-Дону, но почти со школьной скамьи разделял популярные в то время народнические и социалистические идеи. Учился в ремесленном училище и состоял на учете в Департаменте полиции (за близость к партии эсерам и неблагонадежность). Некоторое время работал в Баку и Закавказье. Сумел получить юридическое образование и стал присяжным поверенным.

А.Г. Емельянов с 1915 г. являлся уполномоченным Главного комитета Всероссийского земского союза на Кавказском фронте, вместе с частями Русской армии находился в Персии. Затем на некоторое время вернулся в Россию. В дни Февральской революции он находился в Москве, был комиссаром Московского градоначальства и исполнял должность заместителя начальника московской милиции. После Февральской революции Временным правительством вновь направлен на Кавказ в качестве военного комиссара при Кавказском кавалерийском отдельном корпусе на Персидском фронте. В связи с окончанием войны и расформированием воинских частей в Закавказье вернулся в Россию и оказался в круговерти кровавой междоусо-

бицы. Короткое время А.Г. Емельянов являлся начальником Управления торговли и промышленности при правительстве барона Н.П. Врангеля в 1920 г. в Крыму, а с приходом в Крым Красной армии эмигрировал в Германию.

В эмиграции он работал главным редактором еженедельной литературной, политической и экономической газеты «Время», издававшейся в 1920 и начале 1921 г. в Берлине. Очевидно, здесь им и была завершена данная книга, подготовленная к печати местным издательством «Гамаюн» и напечатанная типографией Артели «Печатное искусство» в Вюрнсдорфе. Позднее А.Г. Емельянов оказался в Харбине (Китай), считавшемся тогда центром русской эмиграции на Дальнем Востоке, где жил по адресу: Пекарная ул., д. 15. Здесь 11 апреля 1923 г. он скончался в возрасте 67 лет от сердечного приступа и был похоронен на местном русском кладбище. Кроме представляемой книги он автор мемуаров «Генерал Баратов» (Часовой. 1933. № 103/104. С. 24–26). В связи с кончиной А.Г. Емельянова харбинская газета «Утро» 13 апреля 1923 г. поместила краткое сообщение о его смерти.

Для того чтобы рядовому читателю лучше ориентироваться в описываемых в книге А.Г. Емельянова событиях, необходимо, с нашей точки зрения, иметь хотя бы общие представления о Кавказском фронте, развернутом в ходе Первой мировой войны, а также роли Российской империи в противостоянии с Турцией. Тем более это важно сделать, когда в наши дни идет активный процесс пересмотра основных вех истории отечества и ухода от «штампов советской эпохи».

Мемуары А.Г. Емельянова во многом актуальны и тем, что на страницах современной периодической печати и в средствах массовой информации вновь мелькают тревожные сообщения с «горячих точек» международного вооруженного конфликта на Ближнем и Среднем Востоке – Ирака, Афганистана и Ирана. Составители и издательство посчитали рациональным дополнить данное издание кратким вступительным историческим очерком, так как он расширяет кругозор читателей, позволяет лучше понять текст мемуаров в общем контексте хода Первой мировой войны.

Мы посчитали рациональным поместить в качестве приложения к тексту книги письма великого князя Дмитрия Павловича с Персидского фронта, куда он был сослан за участие в убийстве приближенного к царской семье «старца» Григория Распутина. Эти письма в какой-то степени, перекликаются с содержанием книги Г.А. Емельянова и дополняют его. Так, великий князь Дмитрий Павлович незадолго до октябрьского переворота 1917 г. в одном из писем к отцу характеризовал политическую обстановку: «А сидя тут вдалеке, мне кажется иногда, что там, в России, все поспехило с ума. Ведь, действительно, только и читаешь, что про разговоры под тем или другим соусом. А о настоящем деле никто не думает. Даже среди членов Временного Правительства не нашелся человек, который сумел бы действительно перейти от слов к делу. Все только спасают революцию, а о бедной России никто не думает. Где же русские люди, где патриоты, где Минин и Пожарский наших дней! Или действительно Россия достойна того, что в ней теперь происходит. Есть поговорка, что у страны всегда правительство его достойное. Пожалуй, это именно применимо теперь к нам!»¹

Мемуары дополнены соответствующим научно-справочным аппаратом и иллюстрациями.

Первая мировая война и Кавказский фронт

Начало Первой мировой войны опрокинуло надежды на лучшее будущее многих народов мира. «Какая-нибудь проклятая глупость на Балканах, – предсказывал Бисмарк, – явится искрой новой войны».

¹ ГА РФ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 170. Л. 55; Письма Д.П. Романова к отцу. // Красный архив. 1928. № 5 (30). С. 208.

28 июня (15 июня по старому стилю) 1914 г. в 11 часов утра 19-летний террорист Гаврила Принцип (австрийский подданный) расстрелял из браунинга наследника престола Австро-Венгрии эрцгерцога Франца-Фердинанда и его супругу герцогиню Гогенберг. Это было уже второе покушение в тот день после неудавшегося первого, когда Габринович бросил бомбу в автомобиль, в котором эрцгерцогская чета направлялась по улицам Сараево (Босния) в городскую ратушу.

Николай II выразил искреннее соболезнование императору Францу-Иосифу. Несколько дней спустя в Австро-Венгрии началась развернутая и планомерная кампания против Сербии. 5 июля Германия заверила Австрию в том, что та может рассчитывать на «надежную поддержку» в случае, если принятые карательные меры против Сербии приведут к конфликту с Россией. Надежды, выражаемые в России, что Германия повлияет сдерживающе на своего союзника, не оправдались. Это явилось причиной проявления в последующие дни череды необратимых событий. 23 июля Австро-Венгрия заявила жесткий ультиматум Сербии. Принятие требований, предъявленных в нем, в полном объеме равнялось бы «добровольному отказу» от принципа национальной независимости. Министр иностранных дел царского правительства С.Д. Сазонов, узнав о содержании австрийской ноты, кратко сказал: «Это европейская война». Сербия согласилась почти на все уступки и политические требования, за исключением одного, но Австро-Венгрия 26 июля отклонила полученный на ультиматум ответ (хотя германский кайзер Вильгельм II, уже проявлявший некоторое беспокойство, признавал, что этот документ не дает никаких оснований для начала войны). 29 июля состоялся телеграфный обмен мнениями между императорами Николаем II и Вильгельмом II. Позднее обе конфликтующие стороны взаимно обвиняли друг друга в развязывании мировой войны.

2 августа 1914 г. Турция заключила с Германией союзный договор, по которому она обязывалась выступить на стороне Берлина. На покрытие военных расходов германская сторона предоставила Стамбулу заем в 100 миллиардов франков. Император Вильгельм II заверял султанское правительство, что он стремится к сохранению территориальной целостности Турции и не возражает против ее притязаний, прежде всего к России.

Турция намеревалась захватить у России (в случае победы держав Центрального блока) весь Кавказ и Крымский полуостров. Некоторые влиятельные в стране пантюркисты мечтали о гораздо большем – «о долинах Волги и Камы» с татарским населением².

Российская империя тоже имела давние территориальные притязания к Турции. Прежде всего, в высших светских кругах со времен Екатерины II обсуждали вопрос об оказании помощи поработенным христианам Османской империи, возврате и восстановлении святынь православия в лице Константинополя (Стамбула), а также возможности «приобретения» черноморских проливов, что решило бы проблему беспрепятственного выхода русских кораблей из Черного моря в Средиземноморье.

27 сентября 1914 г. Турция закрыла свои проливы для торговых кораблей стран Антанты. Без официального объявления военных действий 16 октября объединенная турецко-германская эскадра под командованием немецкого адмирала В. Сушона бомбардировала Одессу и другие черноморские порты России. Была потоплена русская канонерская лодка «Донец». В ответ на враждебные действия 2 ноября 1914 г. войну Турции объявила Россия, 5 ноября – Англия, на следующий день – Франция. В свою очередь, Турция объявила «джихад» (священную войну) странам Антанты, включая Россию.

Турецкий султан-калиф Решад Мехмед V (1844–1918) был провозглашен Верховным главнокомандующим. Однако фактическое руководство турецкой армией было сосредоточено в руках панисламиста военного министра Энвер-паши (1881–1922) и начальника штаба глав-

² Шишов А.В. Голгофа Российской империи. М., 2005. С. 101.

ного командования немецкого генерала Ф. Бронзарта фон Шеллендорфа, а также военного адъютанта султана генерал-фельдмаршала барона К. фон дер Гольца (1843–1916).

Следует заметить, что с началом войны Персия заявила о своем строгом нейтралитете, к которому Российская империя и Великобритания отнеслись с должным уважением.

Фронтные управления во время Первой мировой войны в Русской армии были созданы для руководства боевыми действиями на важнейших стратегических направлениях.

На Кавказском театре военных действий, последовательно сменяя друг друга, командовали: генерал от кавалерии, граф И.И. Воронцов-Дашков (30 августа 1914 г. – 23 августа 1915 г.), генерал от кавалерии великий князь Николай Николаевич (23 августа 1915 г. – 2 марта 1917 г.), генерал от инфантерии Н.Н. Юденич (3 марта – 3 апреля 1917 г.), генерал от инфантерии М.А. Пржевальский (3 апреля – 11 сентября 1917 г.), генерал-лейтенант И.З. Одишелидзе (2 октября 1917 г. – 28 февраля 1918 г.) и генерал-майор Е.В. Лебединский (декабрь 1917 г. – май 1918 г.).

1 ноября 1914 г. на базе Кавказского военного округа весьма спешно начала развертываться Кавказская армия. Ее командующим назначался генерал-адъютант, граф Илларион Иванович Воронцов-Дашков, начальником штаба – генерал-лейтенант Николай Николаевич Юденич. Армия занимала полосу фронта от Черного моря до озера Урия протяженностью 720 километров.

Утром 2 ноября собрался военный совет Кавказской армии. Об обстановке на русско-турецкой границе информировал начальник штаба. Генерал-лейтенант Н.Н. Юденич напомнил собравшимся, что, по данным Генерального штаба, турецкие сухопутные силы насчитывают до 1,5 миллиона человек. Это 40 пехотных дивизий низама (кадровых) и 53 дивизии радифа (резерва). Мустахфиз (ополчение) может быть доведено в случае призыва до 100 тысяч человек. Конница имеет более 60 полков, в том числе 20 – формируемых из курдов в Турецкой Армении.

«3-я турецкая армия, непосредственно противостоящая нам, – докладывал Юденич, – состоит из трех корпусов (9-го, 10-го и 11-го), в составе каждого по три пехотные дивизии, а также 2-й отдельной кавалерийской дивизии, четырех курдских конных дивизий. Основные ее силы сосредоточены в районе Эрзурума. 10-й корпус развернут у Самсуна. На днях из Месопотамии начала перегруппировку пехотная дивизия 13-го корпуса. Всего в армии насчитывается около 130 батальонов, почти 160 эскадронов, до 10 курдских сотен, а также 270–300 орудий. Армию возглавляет Гасан-Изет-паша, начальник штаба – немецкий генерал Бронзарт фон Шеллендорф. Мы полагаем, что это турецкое объединение имеет пока оборонительные задачи...»

Свои основные силы (120 батальонов, 127 сотен, 304 орудия) Кавказская армия развернула в полосе от Батума до Сарыкамыша. На Приморском (Батумском) направлении находились части 66-й пехотной дивизии, 5-й Туркестанской стрелковой и 1-й Кубанской пластуной бригад, 25-я бригада пограничной стражи. На Ольтынском действовала 20-я пехотная дивизия генерала Н.М. Истомина. Она была усилена 26-й бригадой пограничной стражи. Сарыкамышское направление являлось главным. Здесь сосредоточили 1-й Кавказский армейский корпус генерала Берхмана в составе двух пехотных дивизий, 1-й Кавказской казачьей дивизии и трех бригад, а также 2-й Туркестанский армейский корпус генерала Слюсаренко, имевший две стрелковые бригады. В крепости Карс формировалась 3-я Кавказская стрелковая бригада генерала Габаева, в Тифлисе – Сибирская казачья бригада генерала Калитина.

Силы 3-й турецкой и Кавказской армий примерно равны. Но на Сарыкамышском направлении русские войска имели двойное превосходство в личном составе. На Ольтынском направлении противник превосходил только что сформированный отряд по пехоте в шесть, по артиллерии – в три раза. Турки уступали нам в коннице. Однако в условиях обильного зимнего снегопада это не давало никаких реальных преимуществ.

«Исходя из имеющегося соотношения сил и средств, учитывая горный театр войны и условия погоды, – заключил начальник штаба, – предлагаю в ближайшее время ограничиться активной обороной и ведением вдоль границы боевой разведки. Одновременно необходимо завершить отмотилизованиe и формирование резервов, готовить наступательную операцию»³.

Начальник разведки, инспектор артиллерии и другие должностные лица поддержали Н.Н. Юденича. С ними согласился и командующий Кавказской армией генерал от кавалерии, граф И.И. Воронцов-Дашков.

15 ноября 1914 г. разведывательные отряды 1-го Кавказского армейского корпуса, с ходу заняв пограничные горные рубежи, спешно начали выдвижение на Эрзурум. На следующий день границу перешли главные силы корпуса. Спустя два дня, контратакованные частями 9-го и 11-го турецких корпусов, они, опасаясь обхода своего правого фланга, по приказу командующего армией отошли к границе. Лишь углубившийся на 20–30 км Эрзурумский отряд, сформированный из подходивших подразделений 4-го Кавказского армейского корпуса, ночной атакой сумел занять высоты в районе Алашкерт. С приходом в конце ноября суровой зимы с многочисленными снегопадами боевые действия практически прекратились⁴.

3 декабря в командование 3-й турецкой армией вступил сам военный министр Энвер-паша. Это означало, что впереди предстояли ожесточенные бои. В Стамбуле и Берлине правильно рассчитывали, что Россия не сможет бросить на Кавказский фронт сколько-нибудь значительные подкрепления. Численность 3-й армии турками была доведена до 150 000.

Сарыкамыш – опорный пункт на дороге в Эрзурум и штаб-квартира в Карсском уезде Карсской области, у восточной подошвы Саганлугского хребта (на территории современной Турции). Именно здесь в конце 1914 – начале 1915 г. развернулись упорные сражения. Командование 3-й турецкой армии решило окружить и уничтожить главные силы (Сарыкамышский отряд) Кавказской армии (главнокомандующий генерал И.И. Воронцов-Дашков был недееспособен ввиду преклонного возраста, фактически командовал его помощник генерал А.З. Мышлаевский) с целью последующего захвата Карса. Для этого 11-й турецкий корпус, 2-я кавалерийская дивизия и курдский кавалерийский корпус должны были сковать Сарыкамышский отряд (начальник генерал Г.Э. Берхман) с фронта, а 9-й и 10-й турецкий корпуса через Ольты (Олту) и Бардус (Бардиз) выйти ему в тыл. 9 (22) декабря 9-й и 10-й турецкие корпуса перешли в наступление и, оттеснив вшестеро слабейший по численности Ольтинский отряд генерала Н.М. Истомина, 12 (25) декабря заняли Бардус, а затем повернули на Сарыкамыш. Во время наступления турки понесли большие потери, чему также способствовали морозы. С фронта начал наступление 11-й турецкий корпус, и Сарыкамышский отряд отошел к государственной границе. По приказу Мышлаевского для обороны Сарыкамыша была направлена часть сил с фронта и из армейского резерва. До их подхода Сарыкамыш упорно оборонял малочисленный сборный отряд полковника И.С. Букретьова; с 14 (27) декабря оборону возглавил генерал М.А. Пржевальский. Русские войска отбили атаки турок, а 16 (29) декабря отбросили их и перешли в контрнаступление. 20 декабря (2 января) русские войска заняли Бардус, а 22 декабря (4 января) окружили и взяли в плен весь 9-й турецкий корпус. Остатки 10-го корпуса, воспользовавшись некоторыми промахами русских, отступили на исходные позиции. Так Кавказская армия перенесла военные действия на территорию Турции.

Именно в этот тревожный период Кавказский театр военных действий посетил император Николай II. Известно, что императорский поезд во время войны преодолел с Николаем II около ста тысяч верст. Он неожиданно появлялся в самых отдаленных уголках фронта. Так, например, с 20 ноября по 12 декабря 1914 г. состоялась поездка царя по южным губерниям

³ Португальский Р.М. Алексеев П.Д., Рунов В.А. Первая мировая в жизнеописании русских военачальников. М., 1994. С. 215–216.

⁴ Корсун Н. Сарыкамышская операция. М., 1937. С. 30.

России и Кавказу. Он посетил цитадель Карса и район Сарыкамыш, где лично участвовал в награждении боевыми Георгиевскими крестами отличившихся воинов.

По свидетельству последнего дворцового коменданта, генерал-майора В.Н. Воейкова: «Один из солдат, получивший крест, проявил пример высокой честности: он обратился к Государю со словами: “Я, Ваше Императорское Величество, в бою не участвовал”. Государь был страшно удивлен и громко ответил: “Молодец... Наверное, скоро заслужишь крест. Хорошо, что по совести заявил мне”. Крест был солдату оставлен»⁵. Вскоре он оправдал доверие императора в ближайшем же сражении.

Император Николай II не представлял себе жизни без армии. Он любил и часто присутствовал на парадах и военных смотрах, что поднимало боевой дух полков. «Кончился смотр... Сколько разговоров среди “молодых” солдат про впечатления этого незабываемого для них дня! Сколько писем разносилось по глухим деревушкам – к старикам родителям, к женам с описанием царского смотра; про царя, царицу, наследника-цесаревича и великих княжон, которых удостоился видеть и слышать их сын или супруг...»⁶

Уважение к ратной службе солдата осталось у императора Николая II на всю жизнь. Возможно, этим можно объяснить, что при восшествии на престол он отказался от очередного воинского звания и распорядился снять со своих парадных портретов услужливо нарисованные художниками генеральские погоны, оставшись в своем прежнем чине полковника. Конечно, это не означало, что Николай II не мечтал о славе. Его поступок был искренним, но оказался опрометчивым. Милое, казалось бы, желание остаться после смерти отца в своем прежнем чине полковника противоречило основному закону Российской империи, называющему царя главой армии, чему соответствовал чин генерала. Курьезность положения все отчетливее проявилась позднее, на высоте положения и бегущих лет, когда полковнику пошел уже пятый десяток, и все товарищи его по службе давно были произведены в генералы. Император Николай II же по убеждению не мог позволить себе получить генеральский чин русской армии, хотя во время Первой мировой войны в 1916 г. англичане удостоили его фельдмаршалским жезлом.

В дневнике императора нашли отражение события, связанные с его поездкой в конце 1914 г. на Кавказ:

«25-го ноября. Вторник.

Проснулся чудным светлым утром. Проезжали новыми для меня местами мимо хребта вдали, дивно освещенного теплым солнцем. Выходил на некоторых станциях и гулял. Во время завтрака увидели Каспийское море у Петровска. В Дербенте и Баладжарах были большие встречи и настоящие кавказские лица. На второй ст. было все начальство из Баку и почет[ный] караул от Каспийской флотской роты...

26-го ноября. Среда.

Встал чудным солнечным утром. Оба хребта гор видны были отчетливо справа и слева. Утром вошел в поезд ген. Мышлаевский, кот[орого] я принял. В 11 час. прибыл в Тифлис. Граф Вор[онцов] был нездоров и потому графиня встретила на станции с придворными дамами. Почетный караул от Тифлисского воен[ного] уч[илища] и начальство. Поехал с Бенкенд[орфом] в моторе; в одной черкеске было тепло. Народа на улицах была масса. Конвой Наместника сопровождал впереди и сзади. Посетил древний Сионский собор, Ванский армянский собор и Суннитскую и Шиитскую мечети. Там пришлось подыматься и спускаться по крутым узким извилистым улицам старого живописного Тифлиса. Порядок большой. Приехал во дворец после часа. Побывал у графа и позавтракал с графиней, Бенкендорфом, Воейковым, Дмитрием и Павлом Шереметевым. Днем посетил три лазарета с ранеными: армянского бла-

⁵ Воейков В.Н. С царем и без царя. Воспоминания последнего дворцового коменданта Государя императора Николая II. М., 1995. С. 97.

⁶ Буранов Ю.А., Хрусталева В.М. Убийцы царя. Уничтожение династии. М., 1997. С. 15.

готворительного общ[ества], купеческого общ[ества] и судебного ведомства. Вернулся во дворец около 6 час.

Писал телеграммы. Обедал в том же составе. Около 10 час. вошли с улицы грузины с инструментами и проплясали несколько танцев; один из них принес корзину фрукт[ов].

27-го ноября. Четверг.

Праздник Нижегородского полка провел в Тифлисе, а полк проводит его в Польше! В 10 час. начался большой прием военных, гражданских чинов, дворянства, городской думы, купечества и делегации крестьян Тифлисской губ. Погулял в красивом саду $\frac{1}{4}$ часа. Принял двух раненных офицеров – нижегородцев и подп[?] кн. Туманова 4-го стр. И[мператорской] Ф[амилии] полка. После завтрака посетил больницу Арамянца – 180 раненых и лазарет в зданиях не открытой губ[ернской] тюрьмы – свыше 600 раненых. Вернулся после 6 час., и пил чай, и сидел с Воронцовыми. После обеда воспитанники гимназий прошли с фонарями и пропели гимн перед окнами дворца. Вечером читал бумаги...

30-го ноября. Воскресенье.

В 9.40 прибыл в Карс. Морозу было 4°, тихо, но, к сожалению, туман. На станции начальство и отличный поч[етный] кар[аул] – 1-я рота нового 10-го Кавказского стрелкового полка. На улицах шпал[ерами] 3-я Кавк[азская] стр[елковая] бригада, Карская креп[остная] арт[иллерия] и запасные батальоны. Был у обедни в креп[остном] соборе; служил добрый экзарх. Завтракал в поезде. Затем выехал с Бенкендорфом осматривать крепость.

Посетил военный лазарет – немного раненых. Поехал на форты: Бучкиев, Рыздзовский и новый Южный, на противоположной стороне. Очень основательно и много сделано за время; но туман совершенно не давал возможности ориентироваться и видеть окружающую местность. Возвратился в поезд с наступлением сумерек...

1-го декабря. Понедельник.

Самый знаменательный для меня день из всей поездки по Кавказу. В 9 час. прибыл в Сарыкамыш. Радость большая увидеть мою роту Кабардинского полка в поч[етном] кар[ауле]. Сел в мотор с Бенкендорфом, Воейковым и Саблиным (деж[урный]) и поехал в церковь, а затем через два перевала на границу в с. Меджингерт. Тут были построены наиболее отличившиеся ниж[ние] чины всей армии в числе 1200 чел. Обходил их, разговаривал и раздавал им Георгиевские кресты и медали. Самое сильное впечатление своим боевым видом произвели пластуны! Совсем старые рисунки кавказской войны Хоршельта. Вернулся в Сарыкамыш в 4 ч. и посетил три лазарета. Простился с ген. Мышлаевским, нач. штаба ген. Юденичем, другими лицами и с моей чудной Кабардинской ротой, в которой роздал 10 Георг[иевских] крестов; и в 4 $\frac{1}{2}$ часа уехал обратно на Карс. Поезд шел плавно и тихо...»⁷

Любопытно отметить, что в дневнике великого князя Андрея Владимировича, который приходился царю кузеном (служил при штабе генерала Рузского) и в силу своего положения был в курсе основных военных событий, имеется запись от 17 января 1915 г., где отмечаются обстоятельства упомянутой нами поездки императора на Кавказ:

«В 11 часов утра я поехал в замок отдать визит кн. Енгальчеву. Мы снова разговорились. “Я сегодня получил шифрованную телеграмму из Ставки – говорит мне кн. Енгальчев, – и вопрос о польских легионах решен в том духе, как я Вам вчера говорил. Ну, слава Богу, с этим теперь покончили...”

А вот на Кавказе – дела творятся. Прямо чудеса что такое. Бедный гр. Воронцов так рамолен, что перед приездом Государя ему впрыснули камфору, и он мог три минуты говорить с Государем. После чего впал снова в полный рамолимент. Он и доклады больше не принимает. Графиня к нему никого не пускает, принимает лично все доклады и управляет всем

⁷ Дневники императора Николая II. М., 1991. С. 499–501.

Кавказом лично, как гражданской частью, так и военной. Вообразите, что даже штаба армии нет. Нет командующего, ничего нет. И это прямо чудом генерал Юденич спас положение. Так нельзя это было оставить.

Теперь туда послан Сашка Воронцов. Мы его одели кавказцем и поручили (я вел с ним эти переговоры), чтоб он убедил своего отца поручить Мышлаевскому командование армией, и сформировал бы ему штаб, а он пусть остается главнокомандующим. Сашка был у верховного, и теперь уехал на Кавказ”.

На это я рассказал Енгальчеву то, что мне говорил генерал Гулевич про тот же Кавказ.

Государь был на Кавказе. Я лично уже слышал от Государя (ему Воронцов докладывал, что наступление турок нельзя ожидать раньше февраля – марта, когда снега стают. Потом Государь был в Сарыкамыше и только успел доехать обратно до Ставки, как была получена телеграмма, что Сарыкамыш уже окружен турками). Как теперь оказалось, именно в то время, когда Государю докладывали, что турки будут наступать не раньше февраля – марта, два их корпуса уже обходили нас справа, а в то время, когда Государь был в Сарыкамыше, авангард турок показался уже на горах и курды, по сведениям пленных, даже хотели обстрелять царский поезд, но никак не ожидали, что он так скромно выглядит. Через два дня после отъезда Государя Сарыкамыш был занят. Из этого видно, в какой опасности Государь был благодаря беспечности и халатности штаба кавказского наместника.

Самое же дело под Сарыкамышем произошло следующим образом. Город этот лежит на единственной железной дороге в тылу нашей армии, и с его захватом тыл был окончательно отрезан. Когда еще только обозначилось наступление турок в армию (там всего было 1 ¹/₂ корпуса) были посланы Мышлаевский и Юденич. Они ехали на моторе. Но уже Сарыкамыш был обложен со всех сторон, и проехать нельзя было. Мышлаевский повернул мотор и поехал прямо в Тифлис, заявив, что смертельно заболел, и слег там в постель. Юденич же как-то прорвался мимо Сарыкамыша, добрался до армии и, как уже известно, разбил турок наголову. Узнав о блестящей победе, Мышлаевский выздоровел и требует себе Георгиевский орден.

В это же время дежурный генерал штаба наместника генерал Веселовзоров послал всем министрам и многим другим лицам телеграммы с извещением, что турки под стенами Тифлиса, что Кавказ будет завоеван турками, положение безнадежное и что необходимо прислать немедленно два корпуса. Верховный главнокомандующий, когда узнал об этом, потребовал увольнения генерала Веселовзорова, но граф Воронцов умолял верховного главнокомандующего его оставить как единственного его помощника и без него он ничего не сможет. Как оказалось, генерал Веселовзоров – личный друг графини, и это она пустила за его подписью эти телеграммы и она же опять именем графа Воронцова упростила его не убирать»⁸.

Позднее последний дворцовый комендант, генерал-майор В.Н. Воейков, который находился в свите императора и отвечал за его безопасность, признавался в своих эмигрантских мемуарах:

«Возвратившись из Меджингерта в Сарыкамыш, я через несколько времени узнал, какую сделал оплошность, приняв на веру ручательство за безопасность посещения Государем передовых войск в Сарыкамышском направлении; оказалось, что штаб турецкой армии, с Энвер-пашою во главе, находился на высотах – так близко от ущелья, по которому пролегал путь Его Величества, что направление следования было видно с турецких аванпостов. Благополучный исход этого выезда можно приписать только счастливой случайности, так как туркам в голову не могло прийти, что в одном из появившихся на дороге автомобилей следовал Русский Белый Царь. Кроме того, как потом узналось со слов пленных, вблизи шоссе скрывались в дикой гористой местности курды и турецкие передовые части, производившие, при участии германских офицеров, рекогносцировку местности на путях к Сарыкамышу.

⁸ ГА РФ. Ф. 650. Оп. 1. Д. 30. Л. 75, 79–81.

Когда Государь, покидая Меджингерт, сел в автомобиль, генералы, офицеры и казаки кинулись провожать Его Величество, поднялась дикая скачка по сторонам царского пути, пролежавшего по каменистому неровному грунту. Проявление теплых чувств к Его Величеству со стороны народонаселения Кавказа сразу парализовало мечты турок о том, что мусульманское население станет на сторону нашего врага, и что в горных областях начнутся волнения, мятежи, беспорядки»⁹.

6 января 1915 г. французский посол в России Морис Палеолог записал в своем дневнике: «Русские нанесли поражение туркам вблизи Сарыкамыша, на дороге из Карса в Эрзурум. Этот успех тем более похвален, что наступление наших союзников началось в гористой стране, такой же возвышенной, как Альпы, изрезанной пропастями и перевалами. Там ужасный холод, постоянные снежные бури. К тому же – никаких дорог и весь край опустошен. Кавказская армия русских совершает там каждый день изумительные подвиги»¹⁰.

Союзица Российской империи Великобритания в 1914 г. на ближневосточном театре войны только разворачивала боевые действия против Турции. В Месопотамии (Ирак) англичане захватили порт Басру и город Эль-Курна. Турция, в свою очередь, захватила Синайский полуостров, и ее войска начали продвижение к Суэцкому каналу, угрожая вторжением на территорию английского колониального Египта.

Император Николай II продолжал пристально следить за боевыми действиями на Кавказе. 7 января 1915 г. он записал в своем дневнике: «По донесениям графа Воронцова видно, что преследование остатков разбитых турецких корпусов закончилось; они все прогнаны далеко за границу. Так окончилось знаменитое движение внутрь наших пределов армии под командою, мнящего себя Наполеоном, Энвер-паши!»¹¹

Саракамышская операция окончилась почти полным поражением 3-й турецкой армии. К началу 1915 г. в ней насчитывалось всего 12 400 человек, вернувшихся из числа участвовавших в наступлении. Она потеряла в общей сложности около 90 тыс. человек, в том числе 30 тыс. замерзшими в горах, и свыше 60 орудий. Фактически от этого сокрушительного поражения 3-я турецкая армия так и не смогла оправиться до конца войны, несмотря на систематическое ее пополнение. Укреплением армии занялись новый ее командующий Махмуд-Кемиль-паша со своим начальником штаба полковником Гюзе.

Большие потери понесла и русская Кавказская армия, потеряв более 20 тыс. человек убитыми, ранеными и обмороженными. Чувствительный урон был понесен в офицерском составе.

На этом фоне определенный интерес представляет очерк, опубликованный в 1915 г. в еженедельнике «Нива», в котором нашли отражение условия быта одного из руководителей Кавказской армии генерала Н.Н. Юденича, его стиля руководства войсками, описанные одним из современников и очевидцем тех событий:

«В небольшом, довольно грязном и неприветливом городишке стоит двухэтажный дом с двумя часовыми у подъезда и развевающимся над фронтоном флагом. Из-под крыши его выбегает целый пучок телефонных проводов, на дворе постоянно пыхтят автомобили. В ворота въезжают, со двора выезжают. До поздней ночи, когда небольшой городок уже засыпает, светятся окна дома. Это ставка командующего Кавказской армией. Здесь помещения штаба, квартиры генерала Юденича, ряда офицеров управления, точнее кабинеты, в углу которых стоит кровать...

С вечера курьерами, по телефону и телеграфу поступают донесения. Некоторые из них немедленно докладываются командующему. Общий же доклад генерал-квартирмейстер

⁹ Воейков В.Н. С царем и без царя. Воспоминания последнего дворцового коменданта Государя императора Николая II. М., 1995. С. 97.

¹⁰ Палеолог М. Царская Россия во время мировой войны. М., 1991. С. 8.

¹¹ Дневники императора Николая II. М., 1991. С. 508.

обычно делает в 10 часов утра. Затем подается завтрак. Он проходит в общей столовой – отношения в ставке чисто товарищеские. После завтрака все приступают к работе...

Ее много. Она своеобразна. Дело в том, что отдельные армейские отряды по существу являются самостоятельными объединениями, небольшими армиями. Для каждого из них приходится оборудовать тыл, налаживать связь, думать об их усилении за счет армейских резервов. Если к этому еще прибавить, что турки сохраняют численное превосходство, что действовать нашим войскам приходится зачастую среди воинственного мусульманского населения, то вся сложность работы генерала Юденича станет еще понятнее.

В 18 часов командующий и штаб сходятся за обедом. Он тянется недолго. После обеда генерал Юденич нередко выезжает в войска. Чаще же, после часовой прогулки он возвращается в ставку, где до поздней ночи принимает доклады о снабжении войск, об организации тыла, о решении кадровых вопросов... Так изо дня в день тянется трудовая жизнь в затерянной среди гор Закавказья ставке командующего»¹².

Успешно проведенная русскими войсками Сарыкамышская операция зимой 1914/15 г. создала благоприятные условия для дальнейших наступательных действий. К началу апреля 1915 г., т. е. к началу второй военной кампании, русская Кавказская армия имела 111 пехотных батальонов, 212 сотен конницы и 364 орудия. Армейский резерв состоял из 28 батальонов, 36 сотен и 64 орудий, резерв располагался в районе Карс – Александрополь¹³.

Необходимо подчеркнуть, что к началу военной кампании 1915 г. кавказские войска, как и вся Русская армия, оказались строго лимитированными в отношении снабжения оружием, снарядами и патронами. Запас винтовочных патронов на армейских складах на Кавказе в то время составлял всего по 50 штук на один ствол.

Тем временем турки готовились к ответному реваншу. Они надеялись, что найдут поддержку среди мусульманского населения Кавказа, Афганистана и Персии. Воспоминания об имаме Шамиле и его имамате на Кавказе, борьбе с Российской империей там были еще достаточно свежи.

В то же время, видя, что проигрывают войну, турки учинили неслыханную бойню христиан. По одним сведениям, было вырезано более миллиона армянского населения, по русским – 800 тыс. В этот период в политической терминологии появилось новое слово, теперь широко употребляемое во всем мире, – «геноцид». К сожалению, русское военное командование было не в силах предотвратить учиненной страшной расправы турок, причем сигнал к убийствам был дан в Зайтуне 24 апреля 1915 г. Однако уже в начале этих трагических событий, по личному приказанию государя Николая II русские войска предприняли ряд мер для спасения армян, в результате которых «из 1651 тысячи душ армянского населения Турции было спасено 375 тысяч, то есть 23 %»¹⁴. Через русско-турецкую границу были пропущены на российскую территорию огромные толпы народа. Русские чиновники принимали армянских беженцев без всяких формальностей, вручая по царскому рублю на каждого члена семьи и особый документ, дававший им право в течение года беспрепятственно устраиваться по всей Российской империи, пользуясь бесплатно всеми видами транспорта. Здесь же в приграничной зоне было налажено кормление голодных людей из полевых кухонь и раздача одежды нуждающимся.

Правильно понимая всю сложность ситуации, генерал Н.Н. Юденич распорядился срочно сформировать сводный отряд, возглавить который поручалось генералу Н.Н. Баратову. Отряд включал 24 батальона пехоты, 36 сотен конницы и около 40 орудий. Вероятно, не стоит в

¹² Нива. 1915. № 23. С. 3.

¹³ Шишов А.В. Голгофа Российской империи. М., 2005. С. 201.

¹⁴ Пагануцци П. Император Николай II спаситель сотен тысяч армян от турецкого геноцида. // Родина. 1993. №№ 8–9. С. 95.

нашем небольшом историческом очерке подробно останавливаться на этих событиях, так как они достаточно полно нашли отражение в предлагаемых нами вниманию читателей мемуарах А.Г. Емельянова. Остановимся только на самых важных исторических вехах вооруженной борьбы в Закавказье.

К осени 1915 г. штаб Кавказской армии завершил с согласия Ставки верховного главнокомандования разработку плана операции в Северной Персии. Стратегической целью его являлось: исключить всякую потенциальную возможность выступления Персии и Афганистана против стран Антанты, на что возлагали большие надежды Германия и Турция. По предложению генерала Н.Н. Юденича и при полной поддержке нового наместника на Кавказе великого князя Николая Николаевича, создается экспедиционный корпус. Командование им поручается хорошо зарекомендовавшему себя к тому времени в боях генералу Н.Н. Баратову. Приказом Кавказской армии от 24 октября 1915 г. № 9817 в г. Энзели, на южном побережье Каспийского моря, были сформированы штаб и управление Экспедиционного корпуса в Персии¹⁵. Корпус на начальном этапе включал 3 батальона пехоты, 39 сотен конницы, 5 артиллерийских батарей (всего около 8 тысяч человек и 20 орудий). Корпус входил в состав Кавказской армии и Кавказского фронта и неоднократно переименовывался (Кавказский кавалерийский корпус, 1-й Кавказский кавалерийский корпус, Особый Кавказский кавалерийский корпус). Часть корпуса выдвигалась на Тегеран. Совместно с английскими войсками Баратову ставилась задача установить подвижную завесу на фронте Бирджан – Систан – Оманский залив. Этой мерой были окончательно сорваны планы Германии и Турции по закреплению в Персии, хотя и увеличивали фронт с 600 до 1000 верст. Англичане весьма тревожились за свои колониальные владения, в том числе в Афганистане и Индии. Однако позднее английское командование, опасаясь дальнейшего усиления русского влияния в Персии, практически отказалось от совместных согласованных боевых действий.

Опасения имели основания. Показательно, что Российская империя делала самые разные шаги для утверждения своих позиций в соседней стране. Среди них было и создание еще до начала Первой мировой войны личной гвардии шаха Мохаммеда-Али в лице Персидской казачьей бригады. Хотя она и состояла из персов, но ими командовали русские офицеры и казачьи урядники. Командиром бригады являлся полковник Генерального штаба В.П. Ляхов. Такое настойчивое «вхождение» российской стороны во внутренние дела шахской Персии вызывало естественное неудовольствие не только со стороны некоторых союзников по Антанте, но и противников.

Стоит отметить, что в ноябре 1915 г. Кавказская армия включала около 130 пехотных батальонов, 372 орудия, более 200 сотен конницы, 52 дружины ополчения, 20 саперных рот и воздухоплавательный отряд из 9 самолетов. В тоже время 3-я турецкая армия, по данным отдела разведки штаба Кавказской армии, насчитывала в своих рядах 423 пехотных батальона, несколько более 100 орудий, 40 эскадронов конницы и около 20 курдских отрядов, численностью до 10 тысяч человек. Имея примерное равенство в пехоте, Кавказская армия, следовательно, в этот период превосходила противника в три раза по артиллерии и в пять раз по регулярной коннице.

В 1915 г. русская Кавказская армия провела ряд наступательных операций. Сначала русские войска провели наступление в районе оз. Ван, оказав тем самым помощь восставшему против турок армянскому и айсорскому христианскому населению. Позднее последовала Алашкертская операция. Генерал Н.Н. Юденич, начав в декабре Азапкейское сражение, выиграл его, преследовал турок по бездорожью 100 верст до самых фортов Эрзерума. Казалось, русские не имели никаких шансов взять неприступную крепость, расположенную на высоте до 11 тыс. футов над уровнем моря и опоясанную тремя линиями сильных укреплений. Тот, кто

¹⁵ Стрелянов (Калабухов) П.Н. Корпус генерала Баратова. М., 2002. С. 8; РГВИА. Ф. 2320.

владел Эрзерумом, владел всей Турецкой Арменией, или Восточной Анатолией, как называли ее турки. Эрзерум был важнейшим узлом всех путей из Анатолии в Армению.

Попытка перехода русских в наступление на Сарыкамышском и Ольтинском направлениях успеха не имела, главным образом из-за недостатка боеприпасов. Снаряды и патроны поступали Отдельной армии в Закавказье в последнюю очередь: ее фронт главным не считался. Была еще одна причина. С Кавказского фронта были сняты в 1915 г. и спешно переброшены в Европейскую часть России 5-й Кавказский корпус и одна пехотная дивизия, а затем 2-я Кубанская пластуная бригада.

Кампания 1915 г. показала, что Русский фронт становился главным на общем театре военных действий. Он притягивал основные силы коалиции Центральных держав. Против России со стороны немцев и австрийцев в сентябре действовало 116 пехотных и 24 кавалерийских дивизий. В это же время против французской и английской армий воевало 90 германских дивизий. Несмотря на это, Российская империя сумела вынести на своих плечах главный удар неприятельских армий, хотя вынуждена была оставить ряд позиций в Польше, Литве и Галиции.

В дневнике императора Николая II имеется запись от 2 февраля 1916 г.: «Хорошие вести приходят с Кавказа – четыре укрепления Восточного фронта Эрзерума взяты нашими войсками!» На следующий день, 3 февраля, имеется еще одна пометка: «Сегодня Господь ниспослал милость Свою – Эрзерум – единственная турецкая твердыня – взят штурмом нашими геройскими войсками после пятидневного боя! Узнал об этом от Николаши в 2 ¹/₄ часа...»¹⁶

Стоит особо подчеркнуть, что 3 февраля 1916 г. русские войска добились значительного успеха и ворвались в турецкую крепость Эрзерум, представляющую собой на тот момент важнейшую базу снабжения войск, узел транспортных коммуникаций северных областей Турции. В итоге было захвачено 323 орудия, пленено 235 офицеров и до 13 тысяч солдат-аскеров. В тот же день во всех частях и подразделениях Кавказской армии был оглашен приказ, в котором выражалась благодарность ее командующего всему личному составу за мужественное выполнение воинского долга. Только убитыми русские потеряли в этом сражении около 2300 бойцов, общие потери составляли около 10 % состава войск. Среди еще не погасших пожарищ генерал Н.Н. Юденич лично вручал Георгиевские награды отличившимся при штурме крепости войнам. Среди них были полковники Габаев и Фисенко, подполковник Воробьев, штабс-капитан Запольский, поручик Вачнадзе, более 100 унтер-офицеров и солдат. Сам генерал Н.Н. Юденич был удостоен ордена Святого Георгия 2-й степени и стал в истории Российской империи последним георгиевским кавалером, удостоенным такого военного ордена. 9 февраля 1916 г. в Петрограде был отслужен благодарственный молебен по случаю взятия Эрзерума. Эта победа значительно облегчила положение англичан у Суэца и в Южном Ираке, поскольку противостоящий им неприятель перестал получать необходимые подкрепления в людях и боеприпасах. Генералу Н.Н. Юденичу за боевые действия были вручены от правительства Великобритании ордена Святого Георгия и Михаила, а от Франции – наивысшая награда орденом Звезда Большого креста Почетного легиона.

Стоит подчеркнуть, что 4 марта 1916 г. было заключено англо-франко-русское соглашение о «целях войны России в Малой Азии». Российская империя по этому соглашению после победоносного окончания Великой мировой войны получала район Константинополя (Стамбула), Проливную зону между Черным и Средиземным морями, а также северную часть Турецкой Армении, исключая город Сивас. Таким образом, из-под турецкого владычества освобождалась вся Западная Армения. Одновременно Россия признавала право Великобритании занять своими войсками нейтральную (центральную) часть Персии. Державы Антанты лишали Турцию святых мест – Палестины, на обладание которой претендовала Великобритания.

¹⁶ Дневники императора Николая II. М., 1991. С. 571.

К началу летней кампании 1916 г. силы русской Отдельной армии на Кавказском театре военных действий составляли 183 батальона пехоты, 49 дружин государственного ополчения, 6 армянских добровольческих дружин, 175 казачьих сотен, 657 пулеметов, 470 орудий, 28 инженерных рот, 4 авиационных и воздухоплавательных отряда и роты, 6 автомобильных и мотоциклетных рот и команд, 9 броневых автомобилей (дивизион). Всего – 207 293 штыков и 23 320 сабель¹⁷.

Силы турок на Кавказе на тот период насчитывали 206 пехотных батальонов и 45 кавалерийских эскадронов. Помимо этого, в состав турецких армий входили иррегулярные конные ополчения местных курдских племен численностью до 10 тысяч всадников. Таким образом, о каком-то заметном превосходстве одной из сторон на Кавказе говорить в то время не приходилось.

В ходе летней военной кампании 1916 г. живая сила турок была почти сокрушена. К октябрю месяцу из 150 000 бойцов своей 3-й турецкой армии Вехиб-паша едва собрал 36 000. Некоторые турецкие корпуса вынужденно сводились в дивизии, а дивизии – в полки, и то неполного состава. Русские войска продвинулись в глубь Турции на 250 км. С наступлением холодов воюющие стороны до весны перешли к позиционной обороне.

В Персии русскому экспедиционному кавалерийскому корпусу генерала Н.Н. Баратова пришлось к концу 1916 г. отойти на 300 км от иракской границы и остановиться восточнее города Хамадана. Это было вызвано не столько давлением турок, сколько нездоровой местностью пограничья и массовыми заболеваниями бойцов малярией и холерой.

К началу 1917 г. против русского Кавказского фронта, который в общей сложности на тот момент превышал 1000 км, действовало 54 % всех сухопутных сил Турции.

Готовя к публикации книгу А.Г. Емельянова, составители данного издания – профессиональные историки-архивисты – надеются, что многие российские читатели откроют для себя малоизвестные, но от того не менее славные страницы истории нашего Отечества, долгие годы в угоду политической конъюнктуре остававшиеся за «кулисами сцены» театра военных действий в ходе Первой мировой войны.

В.М. Хрусталева, канд. ист. наук

В.М. Осин, член Союза журналистов г. Москвы

¹⁷ Шишов А.В. Голгофа Российской империи. М., 2005. С. 328.

Глава первая¹⁸ НОВЫЙ ФРОНТ

Была война.

В то время как правители посылали на смерть миллионы людей, дипломаты изошрялись в придумывании новых фронтов, стремясь использовать долголетнюю к войне подготовку. Успехи немцев на тайных фронтах международной дипломатии были не менее сильны, чем на открытых полях брани. Острие дипломатического оружия было направлено на уязвимые для англичан места: Персию, Афганистан и Индию. Агитация политическая, национальная, религиозная, широко одобренная подарками и подкупам, должна была принести скорые плоды. Поднять мусульманский Восток против англичан, персов – против русских, создать в тылу Русской армии, действовавшей против турок на Кавказе, новый фронт на плато Ирана – вот мечты, реальные планы и указания немецких вдохновителей войны, дававшиеся из Берлина своим дипломатическим представителям в этих странах.

Еще задолго до войны, в предвидении будущего столкновения, Россия и Германия готовили в Персии вооруженные силы. Русское Правительство создало из персов «Персидскую Казачью Бригаду» с русским командным составом, а немцы, при помощи инструкторов шведов, организовали персидскую жандармерию. «Казаки» должны были нести службу связи, охраны и защиты русских учреждений и граждан, а жандармы – охранять мирных жителей, персидские учреждения, дороги. На самом же деле жандармы и персидские «казаки» по воле своих хозяев стали активным элементом в политической борьбе, разыгравшейся в Персии в первой половине тысяча девятьсот пятнадцатого года.

Германский посланник, принц Рейс, уехал в Германию и возвратился весною в Тегеран. Он торжественно провозгласил политику «пассивности».

Русский посланник, камергер фон-Эттер, долговязый, корректный финляндец, холодный, как и его страна, многого не понимал. Война затягивалась, с разных мест консулы – все новые люди, писали одни неприятности; приходилось много сочинять и подписывать бумаг, без конца ездить, совещаться, ломать голову.

Большими шагами Эттер ходил по подаренному шахом ковроу в столовой, думал и морщился...

– Опять четыре фургона с оружием привезли в немецкое посольство! Хоть бы постеснялись, а то среди белого дня! Да еще под охраной этих... жандармов. Да, политика пассивности!

Эттер вспомнил об убийстве русского вице-консула Кавера в Исфагани, нападение на английский и нашего консула в Кянгавере и криво усмехнулся.

– Да, здесь будут неприятности. Собственно, они уже есть! Но почему Петербург так медлителен? Войска, войска нужны. Нам ведь так легко их подать, а немцы не могут. Да, в этом наше большое преимущество. Надо подумать, надо подумать...

В Персии поздняя осень. Приближались праздники Мохаррема, вернее не праздники, а траурные дни – «ашура». Тысячу триста с лишком лет тому назад в сражениях с арабами погибли потомки Имама Али-Шах-Гуссейна и его семья. Погибли героями в мучительной борьбе потомки первого халифа, и достойные почитателя памяти их и их страданий, персы, задолго еще до наступления страстных дней, готовятся к пышным и печальным торжествам.

Устраиваются разнообразные представления религиозных мистерий – «тазие» и религиозные собеседования «роузе-хани» на темы о страданиях потомков первого халифа. Мисте-

¹⁸ Написание титулов, государственных учреждений, ведомств и прочего сохранено в соответствии с правилами русской грамматики начала XX в. – *Примеч. ред.*

рии обставляются пышно, главным образом на улицах в площадях городов, а собеседования по преимуществу в мечетях, домах высшего духовенства и знати. Первоначальный, исключительно религиозный характер этих мистерий и бесед теперь значительно видоизменился, и на собраниях часто можно услышать речи на политические темы.

Мечети пользуются правом убежища. Здесь можно говорить свободно, критиковать правительственную программу и мероприятия. Полиция, как действующий исполнительный аппарат, внутри ограды не имеет никакой силы и не рискует проявить даже здесь, не говоря уже о храме, меры административного воздействия. Это вековая традиция, и горе тому ретивому полицейскому, который посягнул бы на эту прерогативу толпы. В последние годы такие собрания в мечетях превратились в политические митинги, и религиозная аудитория является страстной ареной политической борьбы.

«Роузе-Хани» начинаются в месяце Мохаремме и продолжаются также и в следующем за ним, в Саффаре. Острый характер эти собеседования носят в начале поста, т. е. в первую неделю Мохаррема, а потому администрация начинает готовиться к этим «неприятным дням» заранее и в эти дни имеет немало хлопот и огорчений. Принимаются различные принудительные меры в целях сохранения «спокойствия и порядка». Духовенство в эти дни в особом почете у населения и властей и получает различного рода подарки, угощения и деньги. Кормят и дарят все – паства по традиции, власть задабривает, чтобы укрепиться или не пошатнуться, а политические партии и представители иностранной дипломатии, – чтобы обратить влиятельных и талантливых проповедников в орудие своих политических целей.

У ограды мечети не пройти. За тысячей черных высоких, как клобук епископа, шапок персов, оратора дервиша почти не видно. Коричневые аба¹⁹ слушателей, желтые фигуры жандармов, желтый блеск осеннего солнечного дня – однотонный радостный фон религиозного собрания. Жандармы знают, что на этот раз политические речи воспрещены, но оратор так пламенно говорит, так искусно вплетает в свою речь о страданиях шаха Гуссейна злободневные вопросы о войне, о единоверцах-мусульманах, восставших против поработителей слама, русских и англичан, что хочется слушать и слушать. От начальства, – офицера, что сидит верхом на гнедой кобыле, приказа разгонять толпу нет, а правая рука время от времени ощупывает в кармане кошелек. А в кошельке лежит новая золотая турецкая лира. Только сегодня выдали...

– Мусульмане всего мира восстают против гнета и насилия. Сунниты уже подняли меч против креста... Шииты, очередь за вами...

Фразы долетают отрывками.

– У поработенных народов есть один друг – народ немецкий, а у ислама защитник – перед Аллахом пророк, а на грешной земле – германский император.

Возбужденное настроение нарастает. Глухой ропот одобрения переходит в шумные крики, и на большом сером камне появляется новый проповедник в белой чалме.

* * *

В разных концах города идут собрания. В десятках мест идет страстная политическая агитация. За нарушение нейтралитета, за новую войну, за ислам. Агитация уже вышла за пределы Тегерана, и на улицах больших городов, во всех концах Персии интриганы и фанатики перед толпами возбужденных горожан призывают народ к священной войне.

Барон Черкасов, русский консул в Керманшахе, ехал к месту своей службы. Да так и не доехал. В Хамадане был предупрежден, что население возбуждено против русских и англичан, что не только вокруг города шныряют подкупленные банды разбойников, но что небезопасно и в самом городе. Черкасов любил Восток, знал Персию, язык и путешествовать при-

¹⁹ Обычная верхняя одежда перса.

вык. Узнал точно от персидских друзей, что на него и на английского консула в Керманшахе готовится нападение. Консульская охрана состояла из нескольких русских казаков личного конвоя и трехсот двадцати персидских. Эта охрана была послана в Хамадан из Азербайджана и Тегерана по инициативе русской миссии, помимо персидского правительства. Охрана была небольшая, да и ненадежная.

– Казаки-то ведь не настоящие, – думал Черкасов.

Решил в Керманшахе не ехать, а ехать обратно в Казвин. В Казвине было спокойно: там стоял русский отряд. Черкасов обратился в Тегеран в миссию с просьбой о разрешении выехать в Казвин и такое разрешение получил, но не успел им воспользоваться...

В Хамадане стоял отряд персидских жандармов под командой шведского офицера майора Чальстрема. Для поддержания безопасности и порядка. Казаки – для консульской охраны.

На Востоке оружие в руках человека не может быть долго без дела. Оно жжет руки.

Это было девятого ноября. Жандармы напали на казаков, и после короткого боя казаки были побеждены. С обеих сторон человек двадцать было убитых и раненых, а победителям достались трофеи – оружие, пулемет, ружья и пленные. Казаки, как и следовало ожидать, дрались неохотно, и около полутора из них сели в бест²⁰ к одному из мушкетеров Хамадана; винтовки свои сдали нашему агенту Министерства финансов. Ведь винтовки были русские, впрочем, как и вся экипировка персидского казачьего отряда.

* * *

Одиночками, небольшими партиями переходили русско-персидскую границу военнопленные турки и австрийцы. Они пробирались из Закаспийской области, убегая из русского плена. Тайный ли приказ дружественного Австрии и Турции персидского правительства своей пограничной страже смотреть сквозь пальцы, ловкость ли беглецов или откуп деньгами на границе – неизвестно; несомненно одно: беглецы находили не только приют в Персии, но внимание и особенную заботливость. Бежавшие не задерживались долго в тех местах, где они попадали в руки персидских властей. Их направляли в распоряжение центрального правительства в Тегеране, а отсюда в Неймед-Абад. Недалеко от Тегерана, под руководством офицеров жандармерии, беглецы производили военные упражнения, жили как воинская часть, и их навещали разных рангов соотечественники – военные и гражданские.

– Позвольте, что же вы делаете? – говорили наши и английские дипломаты главе кабинета министров. – Интернированные в нейтральной стране военнопленные должны подчиняться определенному режиму. Режим военного обучения недопустим. Австрийцы и турки наши враги. Ваши агенты готовят в Неймет-Абаде враждебные нам войска.

Писали ноты, негодовали. Председатель кабинета отвечал неизменно, что он бессилен пресечь это зло.

– Et que voulez vous, que j'y fasse?²¹

Дипломатический мир Тегерана волновался. Из разных концов страны получались одинаковые известия.

Отряд жандармов в Ширазе увел в горы английского консула О'Коннора, пять англичан и десять сипаев консульского конвоя...

В Исфагани при непонятных обстоятельствах ранен английский консул...

В Бушире убиты английские офицеры...

²⁰ Сесть в бест – укрыться в каком-нибудь недостижимом, но не скрытом убежище (Ушаков). – *Примеч. ред.*

²¹ А что я, по-вашему, мог бы сделать? (*франц.*)

В Исфагани и Керманшахе консульства выброшены на улицу, а русские и английские флаги спущены в Кянгавере, Тавризе, Урмии, Султан-Абаде, Исфагани, Керманшахе, Хамадане и Ширазе...

По пустынным дорогам плоскогорья уже потянулись беженцы – русские и англичане. С насиженных мест – из Тегерана, Кума, Исфагани, Хамадана и Тавриза бежали чиновники и служащие в разных учреждениях с семьями, торговцы, духовенство, случайные путешественники, – все направляли свой путь в Казвин, под защиту русского отряда, а кто и дальше к границам, мечтая о России. Верхом на лошадях и катерах²², в кибитках-фургонах, в каретах, на выюках верблюдов и ослов, пристроившись к большим караванам, под военной охраной, а то и просто так, положившись на волю Божию, пробирались беженцы по большим дорогам мимо застав и разбойничьих гнезд. Ехали днем и опасливо смотрели по сторонам.

– Встречный всадник и погонщик мулов – не враг ли? Не раздастся ли предательский выстрел из-за утеса, и не разбойник ли сам конвоир – персидский казак?

Ночью на заставах дрожали в чужих четырех стенах или в каретах, боясь потерять остатки наспех захваченного скарба. Больше всего боялись правительственных жандармов.

– Вот, вот нападут!

Нападали. Грабили. Казвин и Энзели были полны многочисленными беженцами, жертвами травли и возбуждения, невиданными в Персии.

* * *

Эттер потирал руки. Петербург до сих пор мало реагировал на его телеграммы и подробные сообщения. Английская дипломатия тоже не предпринимала активных шагов. А тут вдруг назначение Верховного Главнокомандующего Великого Князя Николая Николаевича наместником на Кавказ!

– Нет, Великий Князь повернет политику. Я его знаю, – говорил посланник своим друзьям. – Он военный и решительный, граф Воронцов-Дашков человек дельный, но штатский... От слов мы скоро перейдем к делу.

В духе этих мыслей и надежд Эттер повел дипломатическую работу. В это время у власти стоял враждебный странам согласия кабинет Мустафиоль-Мамалека. Немцы и турки создали этот кабинет дипломатической ловкостью, интригами и деньгами, а глава его был горячим и действенным сторонником Германии и Турции. Представители Антанты стремились повернуть персидское правительство от формального благожелательного в отношении Германии и Турции нейтралитета и фактического попустительства против интересов Англии и России, по крайней мере к нейтралитету действительному, а в лучшем случае дружественному. Орудием были избраны деньги. Русский и английский посланники действовали сообща. Они нажимали на свои министерства, и наконец Петербург и Лондон, несмотря на свое непримиримое отношение к кабинету Мустафиоль-Мамалека, решили оказать ему значительную финансовую помощь, сначала в виде единовременного аванса, а затем ежемесячных субсидий, начиная с восьмого сентября тысяча девятьсот пятнадцатого года. Денежная подачка, казалось, достигла цели. Был объявлен дружественный нейтралитет в отношении России и Англии; было обещано принять реальные меры в борьбе с германо-турецкой агитацией. Правительство обласкали. Ожидали результатов. Они скоро сказались, но были совершенно противоположными.

У шаха был приближенный, церемониймейстер Эхтесаболь-Мольк. Лицо очень важное и влиятельное. По мотивам личного характера Шах уволил вельможу, но обиженный слишком много знал, и скоро в дипломатических кругах Тегерана заговорили, что шах и правительство

²² Помесь кобылы и осла.

заключили тайный союз с Германией, Австро-Венгрией и Турцией. Эхтесаболь-Мольк – это знали все, – пользовался большим доверием шаха и благосклонностью посланников этих трех держав. Его утверждениям придали веру. Знали, что некоторые приближенные шаха еще летом получили от германского посланника взятки, сопоставили эти факты, одобрили сплетнями и, зашифровав телеграммы, отправили в Петербург и Лондон. Сэр Эдуард Грей пригласил к себе персидского посланника и корректно заявил ему, что если эти сведения о тайном союзе верны, то Англия оставляет за собой в отношении Персии полную свободу действий. Сазонов расшвирипел, но так как дипломатам сердиться не полагается, то министр иностранных дел решительно сказал персидскому посланнику в Петербурге, что союз Персии с врагами России и Англии упраздняет англо-русское соглашение восемнадцатого августа тысяча девятьсот седьмого года, гарантирующее независимость и целостность Персии, и что по окончании войны Персия подвергнется разделу между Англией и Россией...

Заявления эти произвели в Тегеране очень сильное впечатление, и персидское правительство негласно пыталось опровергнуть слух о тайном союзе.

* * *

В правящих кругах Тегерана нервничали. Государственные и политические деятели Персии метались между двух огней. Обе группы держав давали деньги, выгодные обещания, угрожали. На шаха, правительство политические и общественные круги столицы жали со всех сторон. Нужно было выбирать: или со странами согласия, или союза. Выступление Болгарии подлило масла в огонь. Уже горела Европа, пожар начался на Балканах и его зарево освещало персидско-месопотамские границы. За «дружественный нейтралитет» заплатили хорошо, а за «активное содействие» предлагали еще больше. Призывы к священной войне и выступления жандармов были лишь предвестниками надвигающейся грозы. Создававшаяся обстановка уже не удовлетворяла ни Россию с Англией, ни Германию с Турцией. Обе группы держав через своих дипломатов ставили вопрос ребром: да с кем же, наконец, Персия?

Народ не хотел войны. Персия ни с кем. Персия хочет мирно жить и трудиться. Это – правители, двор, часть народных представителей в меджлисе, муштегиды, вожди племен, начальники жандармерии, печать – хотели войны; все те, кто получал взятки, субсидии, на «расходы», на «организации», на «разъезды» от кого бы то ни было, – все равно, от одной группы держав или от другой. Англичане и русские чаще обещали, чем давали; немцы же платили щедрой рукой; Саррафы²³ базаров увеличили валютные операции на золотые турецкие лиры, а злые языки утверждали, что лиры эти отчеканены на монетном дворе в Берлине...

– Где же действующие силы? Откуда их взять?

Для России вопрос разрешался просто. Усилить Казвинский отряд войсками с Кавказского фронта и использовать персидскую казачью бригаду, созданную на русские деньги. Для немцев сложнее. Свой солдат нужен на европейских фронтах; его доставка в Персию просто невозможна. Далеко. В Персии же своего «материала» достаточно. Жандармы уже подготовлены; оставалось привлечь на свою сторону меджегодов, бахтиаров, луров, джеигелийцев и десятки других племен, промышляющих войной и разбоем. Нужно сделать все, чтобы привлечь на свою сторону хотя бы часть персидской казачьей бригады. Кабинет Мустафи-оль-Мамалека вел игру на два фронта. Он провозгласил «дружественный нейтралитет» в отношении России и Англии, вел переговоры о заключении союза с этими державами, а в то же время допускал и помогал организации враждебных сил. Нужно было выиграть время – дать возможность немцам организовать эти силы, а туркам успеть перебросить на персидскую тер-

²³ Менялы.

риторию регулярные войска из Месопотамии. Как раз в это время английские войска отошли от Багдада и у турок были свободные силы.

Был задуман хитрый план. Агитацию и пропаганду против христиан, призывы к священной войне, эксцессы правительство объясняло как народное движение мусульман в защиту единоверцев турок. Нападения, убийства русских и английских граждан, грабежи, выдворение консульств, стычки жандармов с персидскими казаками – правительство объявило мятежом персидских подданных против шаха и поставленных им властей. Персидская жандармерия, во главе которой стоят германские, шведские и турецкие офицеры, якобы восстала против своего законного правительства. Отряды муштехидов – якобы против власти шаха. Мятежники якобы не слушают правительства. Кабинет Мустафиоль-Мамалека шел еще дальше. Он посылал отряды «казаков» на борьбу с мятежниками, но эти отряды или разбежались, или садились в «бест». Правительство делало вид, что жандармы и муштехиды восстали против него. Оно делало вид, что борется с этим движением, при его участии созданном.

Что же получалось?

Когда правительство посылало свои войска против «мятежников», во главе которых стояли германские и турецкие офицеры, признававшие над собой одну власть в Персии, власть своих послов, выходило, что оно ведет войну с германцами и турками. Когда принц Рейс посылал созданные им отряды «мятежников» на борьбу с правительственными войсками, выходило, что он ведет войну с правительством шаха. Германия воевала с Персией. Турция воевала с Персией. Посланники же этих держав жили в Тегеране и находились в самых дружеских отношениях с персидскими властями. Выходило: Персия, не объявляя ни нам, ни Англии войны, уже вела эту войну и против нас и против Англии. Положение становилось невыносимым. Нужен был разряд.

Русский отряд в Казвине получил приказание продвинуться к Тегерану, но самый город не занимать. Выступление должно было носить характер демонстрации. Тегеран кипел. Кто пустил слух – неизвестно. В городе упорно стали говорить, что из Тифлиса отдан приказ о наступлении на Тегеран, что русские займут столицу, что в Персию посылают из России целый корпус.

Главными центрами турецко-германской агитации и деятельности, кроме столицы, были Кум, Султан-Абад и Хамадан. Города эти находятся друг от друга очень далеко и, в случае удачи восстания или объявления войны, пожар, поднятый одновременно в четырех местах, охватил бы огромный район и зажег бы все государство. Главным штабом подготовляющихся военных действий против России и Англии был священный город Кум. Здесь великие святыни шиитов. Здесь – гробница непорочной Фатимы Массумы, сестры Имама Резы – место паломничества правоверных всей Персии. Здесь – фанатическое население. Взоры семнадцати миллионов шиитов были прикованы к Куму.

Выступление русского отряда из Казвина вызвало в Тегеране панику. Как только войска вошли в Энги-Имам, из столицы началось бегство. Куда? В Кум. С этим городом связывалось много надежд, да и дорога к тому же прямая, а путь на Казвин отрезан. Первыми бежали депутаты меджлиса²⁴, сторонники германо-турок. Их было тридцать, и почти все были из «демократической партии».

В Куме был образован «Комитет Национальной защиты Ислама». Комитет занимался агитацией, собирал деньги, вербовал добровольцев и организовывал отряды против русских и англичан. Бегство депутатов из Тегерана фактически упразднило меджлис, так как в Тегеране осталось всего тридцать пять человек членов парламента. Кворума не было. Цензовый меджлис, построенный по уродливой и недемократической избирательной системе, играл и

²⁴ Парламент.

так ничтожную роль в стране, а тут совсем закрылся. Напрасно председатель его, почтенный Мотаменоль-Мольк, беспокоится и шлет телеграммы в Кум.

– Вернитесь, народные представители!

Они не вернутся...

* * *

Молодого шаха пугали.

– Его Величеству небезопасно остаться в Тегеране. Враги Персии не дремлют, – говорили шаху, – русские уже заняли Энги-Имам. На население положиться нельзя... да и на «казаков» тоже. Вам бы уехать, Ваше Величество, в Исфагань... по дороге в Кум бы заехали!.. Там спокойнее.

Русский посланник узнал, что шаха подговаривают покинуть столицу и переехать в Кум. С ним должны были уехать туда же двор, правительство и наиболее влиятельные сановники.

С переездом в Кум надеялись на взрыв национальных чувств, а пребывание шаха в священном городе должно было объяснить и оправдать грядущую священную войну.

Готовились к отъезду. Мулы, катера, лошади, ослы нагружались ценным имуществом шаха и его двора и отправлялись из Тегерана. Целый караван вьючных животных направился по дороге в Исфагань, увозя с собой предметы домашнего обихода, продовольствие и казну.

Эттер считал положение критическим. Переговорил с английским послом сэром Марлингом. Решили всячески мешать поездке. Эттер явился к шаху и вырвал обещание, что он не покинет в столь тревожный момент своей столицы. Шах сдержал свое слово и через два дня выехал в загородный дворец в четырех верстах от Тегерана.

Фараг-Абад – роскошный дворец девятнадцатилетнего повелителя Ирана. Охотничий замок, из которого можно любоваться и темно-синими далями лесов на горах, и нежными красками небес Мазандарана, а в ясную погоду и белоснежной шапкой Демавенда. В знойные дни в садах Фараг-Абада прохлада, а ранней весной цветут ландыши, фиалки и розы. В замке – огромные залы с тяжелыми многоцветными колоннами, зеркальные комнаты с хрустальными люстрами и десятки уютных клетушек эрдерума, украшенных пестрыми коврами.

– В Фараг-Абад?!

Шах не нарушил слова: ведь это всего только загородная поездка!

* * *

Поездка шаха в Кум не состоялась. Отъезд шаха был бы понят всеми как открытый переход на сторону врагов держав согласия. Тегеран без шаха должен был бы неминуемо стать ареной столкновений враждебных сил. Мустафиоль-Мамалек, в предвидении отъезда шаха, разрешил выступить из Тегерана двум жандармским полкам. Полки эти должны были сопровождать коронованного путешественника, присоединившись к нему по дороге.

После нападения жандармов в Хамадане на персидских казаков и открытого перехода их на сторону германо-турок Эттер и Марлинг развили большую энергию, стремясь парализовать увеличение сил врагов Антанты. Персидский кабинет вел тогда еще двойную игру и согласился на настояния посланников вернуть два полка жандармов с дороги. Возвращение жандармов должно было предотвратить переход их на сторону германо-турок. Мустафиоль-Мамалек обещал. Жандармы возвратились. Но возвратилось их не две тысячи, а семьсот, но и те лишь приличия ради, так как, вступив в столицу через восточные Шабдуль-Азимские ворота, они немедленно, небольшими группами, чтобы не возбуждать подозрения, покинули город через южные Кумские ворота и направились в Кум. Еще перед выступлением из Тегерана жандармы

роптали, что им не платят жалованья, а по возвращении на базарах расплачивались турецкими золотыми лирами... Сам министр финансов говорил, что денег в казне нет.

– Плачу сколько могу. Эти жандармы съедают весь бюджет государства, а какой толк? Вот придут налоги, заплачу.

Начальник жандармерии, шведский полковник Эдваль рассуждал иначе:

– Если сам не возьмешь, ничего не получишь. Знаем мы это Министерство финансов. Еще жандармы взбунтуются!

Финансовый агент вез в казначейство в Тегеран шесть тысяч туманов – собранные налоги. Жандармский отряд напал на агента и отнял деньги. Министр финансов заявил протест, а в виде репрессий совсем прекратил выдачу жалованья жандармам, – до возвращения реквизированных денег персидской казне. Эдваль рассердился и в резкой форме протестовал против этого распоряжения министра финансов, угрожая туманно, но веско, всему кабинету министров.

– Это распоряжение, – заявил Эдваль, – может иметь опасные и нежелательные для правительства осложнения и последствия...

В правительственных кругах возмущались Эдвалем. Начали говорить, что жандармы и шведы не оправдывают своего назначения, что они пасуют перед врагами – кашкаями, шахсеванами, лурами, а теперь вот и перед русскими войсками. Они обременяют государственный долг, и вообще:

– Какое-то государство в государстве!

* * *

«Державы покровительницы» заставили было «нейтральную» Персию повлиять на врагов своих. Представления Сазонова и Грея о нарушении англо-русского соглашения, угрозы и деньги принудили персидское правительство временно изменить свою политику в отношении германо-турок. Германская миссия и все ее сторонники покинули Тегеран, развязали шахскому правительству руки, предоставив ему полную свободу действий. Сняты были национальные флаги с посольств германского, австрийского и турецкого. Звездный флаг Америки охранял германцев и турок. Испанский – австрийцев. Но уже через десять дней, как раз в день отъезда шаха в Фараг-Абад, возвратился в Тегеран Ассим-Бей, турецкий посол. Над посольством вновь заблистал полумесяц. Скоро приезжает граф Логотетти – австрийский посланник, а принц Рейс в Хамадане на передовом посту, как и подобает первому солдату в начинающейся битве. Гарнизон Тегерана усилился. Уже прибыли первые отряды воинственных бахтиаров, сарбазов и тысячи всадников разных племен. Бахтиары из Исфагани, сарбазы из Верамина, всадники из Демавенда... Тысячный отряд жандармов в столице приведен в боевую готовность. Ждут приказа о выступлении жандармы в Шабдул-Азиме и Гасеан-Абаде. Немецкие и турецкие офицеры спешно роют вокруг Хамадана окопы и укрепляют горные перевалы Султан-Булаха. Восемь с половиной тысяч персидских жандармов и две тысячи полицейских в руках германо-турецких агентов.

В Казвине и Хамадане ружья и пушки начинают сами стрелять...

В кабинет Мустафиоль-Мамалека удалось провести трех друзей. Эттер и Марлинг считали это большой победой, а глава кабинета смеялся:

– Пусть, пусть утешаются, – говорил лукавый перс. – Что может сделать старый Сапехдар? Их трое. Ничего, ничтожное меньшинство.

Стараниями дипломатов Антанты два видных портфеля были предоставлены сторонникам русско-английского сближения. Военного министра – Сапехдару и Министра Внутренних Дел – Ферману-Ферме. Третий – Воссуг-ед-Довлэ – был без портфеля. Это была новая декорация. Тройка растворялась в количестве министров. Какую силу представляет военный министр

в стране, где нет армии, где есть тысячи племен, признающих военачальником только своего вождя? Что такое министр внутренних дел, когда вся полиция предана врагам его, когда касса министерства пуста и не выплачивает жалованья, а из враждебного лагеря золото широкой рекой льется в карманы жандармов?

Уже скоро три месяца, как руссофилы и англофилы министры сидят в кабинете шахского правительства – доброжелательные и беспомощные, пассивные и ненужные.

* * *

В Арке Совета министров тайное заседание. Двадцать пятое ноября. Пора действовать. Мустафиоль-Мамалек давно готовился к этому дню, но все же волнуется. Волнение выдает необычная бледность и подчеркнутое спокойствие.

– Мы вынуждены, – заявил первый министр, – прервать переговоры с англо-русской дипломатией, ведущиеся в Тегеране, Петербурге и Лондоне о заключении союза с Россией и Англией, ввиду полной безнадежности и невозможности успеха. Общественное мнение Тегерана, его политических кругов, меджлиса, и настроения персидского народа крайне враждебны России и Англии, ведущим войну с единоверной Турцией и защитницей ислама, Германией. Это было бы безумие – противодействовать народному движению, принявшему стихийные размеры. Я отказываюсь от всякого участия в этой беспочвенной и фантастической дипломатической комбинации.

Еще много было сказано слов решительных и красивых. Много было приведено изречений и нарисовано образов согласно изящным обычаям восточного красноречия.

Но не убедили они мудрого Сапехдара и друзей его.

– Ведь прекращение переговоров с Англией и Россией означает войну, – говорил Сапехдар. – Народного стихийного движения против России и Англии нет. Это выдумали немцы, которые тянут нас в пропасть.

Сапехдар не верил в конечный успех Германии в войне, и его страшила будущая судьба Персии. Он боялся русского сфинкса и знал судьбы народов, поработенных Англией. Старый принц Ферман-Ферма поддержал Сапехдара и, покачивая головой, выражал сомнение, что Германия бескорыстно защищает ислам и что будущее Турции, искусственно втянутой в войну, еще неизвестно.

– Мы протестуем против политики и решения, принятого председателем, – говорили Ферман-Ферма и Воссуг-ед-Довле, – будем голосовать против.

Большинство пошло с Мустафиоль-Мамалеком, и на другой день решения, принятые на тайном заседании, стали известны всему Тегерану.

Итак, война. Маски сброшены. Дата нового фронта – двадцать пятое ноября. Место объявления войны – Арка Совета персидских министерств...

Подтвердились слухи о тайном союзе персидского правительства с Германией и Турцией. Призывы к священной войне и пролитая кровь нашли наконец истинное объяснение. Правители сговорились... Сговорились и правители России и Англии. Из Петербурга было приказано в Тифлис:

– Поднять великодержавное имя России в Персии на подобающую высоту. Послать для «активной политики» достаточные вооруженные силы. Незамедлительно.

В Лондоне обещали:

– Дадут такие силы, что оттянут турок с Месопотамского фронта от английской армии на себя.

Нейтральная Персия должна была стать театром военных действий чужих вооруженных сил.

– Кого же послать в Персию? – спрашивал великий князь.

– Тут нужен генерал популярный и решительный. Боевой и дипломат. Нужен человек местный, знающий Восток, кавказскую армию, кавалерист.

– Да, Баратов... Лучшего и придумать нельзя.

Выбор Главнокомандующего пал на казачьего генерала, Николая Николаевича Баратова, блестящие операции которого под Саракамышем прогремели на всю Россию и Турцию.

– Силы, посылаемые в Персию... скажем, корпус, назовем корпусом... экспедиционным. Да, Экспедиционный корпус в Персии!..

Генерал Баратов прибыл со штабом и конвоем из Баку через Каспийское море в Энзели тридцатого октября тысяча девятьсот пятнадцатого года.

* * *

Седьмой кавалерийский корпус оперировал в Северной Персии... В сложном узоре расположения армий Кавказского фронта отряд Чернозубова уже вел операции на земле «нейтральной страны». Шериф-хане уже был тылом корпуса, а на Урмийском озере плавала русская флотилия.

Перевозили войска, продовольствие, военное снаряжение.

Граф Олсуфьев – Главноуполномоченный Земского Союза – по Кавказу – торопил своего представителя в Урмийском районе – Чиджавадзе:

– Иван Феофанович. Торопитесь. Что же пароходики, баржи? Скоро придет из Москвы новая покупка?

Олсуфьев спрашивал о пароходе, купленном на Москве-реке у Окуневых.

– Скоро, граф, скоро. Все делается, что можно.

– А «трапезундцы» вас перегнали. Спустили новую шхуну...

– «Сергей Глебов» – под парусами. Великолепно!

Глава вторая НЕПРОШЕННЫЕ ГОСТИ

Изумительная осень в Персии!

Прозрачный, струистый воздух, ранним утром не жарко. Горы покрыты дымкой и как все спокойно! Дышишь глубоко полной грудью. Радостный, полный надежд, смотришь с борта парохода в бухте Энзели на чужую, неведомую землю. Там за морем, осталась Россия, суeta родных городов, брошенная печаль. Здесь – неизвестность, завеса Востока, лишения, страдания, а может быть и смерть. Так вот она, Персия! Страна великого прошлого человеческой культуры, застывший в своем мудром спокойствии древний Иран, разбуженный раскатами все-европейского грома! Что ты сулишь?..

* * *

Разгрузка шла очень медленно, хотя уже к вечеру район около пристани походил на вооруженный лагерь. Выгружались в образцовом порядке, делились первыми впечатлениями; все сходились на том, что пока ничего «персидского» не видно.

– Деревня как деревня!

Другие говорили:

– Город как город!

– Что ж, она вся, эта Персия, такая будет? Похожа на Россию.

Сходя на землю со схода, крестились.

Штаб был торжественно встречен администрацией, нотаблями и депутацией от населения. Обменялись приветствиями, но, конечно, друг другу не верили; ибо это был Восток, а мы непрошеные гости. Да и война кругом.

Войска передового отряда выгружались несколько дней; отдохнув от морского переезда, они направлялись в Казвин, расположенный в двухстах двадцати верстах от Энзели к югу. Уже с первого ноября командир корпуса со штабом расположился в Казвине для руководства операциями, с которыми нельзя было медлить. Баратов торопился вырвать инициативу у германо-турок и перепутать их планы. В Казвине командир корпуса встречал проходившие части, которые продвигались далее по двум оперативным направлениям – главному, на юг к Хамадану, и левофланговому Кумскому, на восток мимо Тегерана.

От Энзели до Казвина – одна дорога, шоссейная, Энзели-Тегеранская, от Казвина она раздваивается: на Тегеран около ста сорока верст и на юг до Хамадана двести восемнадцать. Других шоссейных дорог на северо-западе Персии нет – грунтовые. Дорога от Энзели лежит сначала на равнине, частью в камышах, частью в лесах, через город Решт; затем змеится холмами, незаметно переходящими в горы, а за Рустам-Абадом вьется по откосам и гигантским обрывам то весело зеленых, то обнаженно-тоскливых гор...

Уже в Реште солдаты сознавались, что поторопились с выводами. Хотя и в Энзели есть азиатская часть, но ее не всем удалось посмотреть, – надо через бухту переплыть на другую сторону. Зато Решт видели все, с его мечетями, базарами, бассейнами...

Решт – на равнине, в лесах. Темный лес – неприветливый. Дуб, ясень, бук и вяз. Сыро здесь и не весело. Большой город, одноэтажные домики. Но, конечно, это еще не яркий Восток. Решт давно уже столица некоронованного властителя Гиляна – революционера и демократа бесстрашного Кучик-Хана. Здесь штаб его и его друзей. Здесь центр политической жизни огромного района, и отсюда «лесные братья» угрожают Тегерану и самому Престолу.

В Персии нет мощной центральной власти. Эта власть есть в Тегеране; на местах от нее – губернаторы, но их власть в лучшем случае распространяется на город, где живет губернатор. За назначение на должность надо платить. Давать подарки – «бешкеш». Это традиция, требование жизни. У губернатора большие расходы. Приемы, представительство, подарки министрам, приближенным шаха... Иногда одни только подарки превышают годовое содержание чиновного лица. Где же взять эти огромные средства? Нажимается налоговый пресс. Чиновники «выколачивают» с населения налоги, превышающие законные нормы. Собирают налоги, не забывая и себя. Ведь они тоже получают ничтожное жалование. Стонет бедняк плательщик от произвольных, непомерных поборов. Стонет, но платит... Невозможно, конечно, учесть огромных сумм, которые переплачивает население благодаря этой «системе». Есть мнение – поборы превышают нормы податного обложения в два раза. В Персии нет регулярной армии, а потому нет силы, которой бы боялись. На местах столько властей, сколько племен. Вооруженный отряд одного из бесчисленных горных племен охраняет свой район, взимает налоги, ведет войну или дружбу с соседями и чаще всего живет совершенно независимо от Тегерана, шаха и его правительства. Шаха признают, но шах есть лишь идея правительства нации. Меджлис – попытка объединить национальные интересы в центре. Правильной системы организации выборов нет, а потому нет и полного народного представительства. Ведь персидская конституция была завоевана не широким народным движением, а выступлением нескольких десятков смельчаков-революционеров во главе со знаменитым Ефремом.

Недовольное политикой правительства, воинственное племя «дженгели» не признает ни центральных властей, ни местных. У них вооруженная сила – свыше тысячи всадников, симпатии населения, сколько угодно продовольствия, и они хозяева положения всей области. Правительство прекратило войну с Кучик-Ханом, так как это было напрасной тратой и людей и денег. Дженгелийцы мало беспокоили русских. Англичан ненавидели. Уже после ухода наших войск из Персии, когда пришли англичане, Кучик-Хан объявил им войну, а «лесные братья» дали обет не стричь голов и не брить бород до тех пор, пока на родной земле останется хотя бы один англичанин. Я видел «лесных братьев» в конце тысяча девятьсот восемнадцатого года. За восемь месяцев войны с англичанами у них так отросли волосы, что они имели вид диких людей.

От Рустам-Абада до Менджиля не более двадцати верст. Дорога лежит на огромной высоте обрыва, и с крутизны видно, как внизу узкой белой лентой вьется легендарный Сефид-Руд. Река очень широкая при самом впадении в Каспий у Энзели, настолько широкая, что по неведению устье ее принимаешь за естественный залив бухты Мурдаб.

С моря, говорит легенда, на челнах пришли русые воины. Они поднялись по течению Сефид-Руда вверх в горы и прошли очень далеко, до того самого места, где истоки реки. А здесь, у истоков, горы чуть не до самых небес и начинаются три страшные дороги ущельями. Челны пришли сюда с Волги, прошли море и сто верст по серебряной реке неведомой страны. Русые воины не встретили никакого войска. Испугался Стенька Разин, ибо это был он, величавой тишины гор на чужой земле, убоился он отсутствия неприятельского войска, ибо решил, что его невидимый враг в ловушку заманить хочет, и решил повернуть челны обратно к морю. В один день и в одну ночь, говорит легенда, домчали волны Сефид-Руда русских воинов до моря.

У Менджиля горы как будто остановились в раздумье, а потом отдельными группами, толпами горных массивов направились в три разные стороны.

Отсюда, говорят, Стенька Разин повернул в Россию.

Мы в Менджиле, на полпути до Казвина. У дороги глинобитное строение – караван-сарай; здесь же чайная: чай-хана.

У скал прилепился городок. Но какой сильный ветер!..

– Вы знаете новороссийский норд-ост? Это пустыки в сравнении с ветром в Менджиле.

В переводе с местного языка²⁵ Менджил обозначает – тысяча ветров. Ветер здесь дует из многих ущелий, образуя грандиозный сквозняк. За время моей жизни в Персии приходилось бывать и проезжать мимо Менджиля десятки раз, и я не помню, когда бы не дул этот ветер. Весной и летом он дует слабее; его легче выносить, вероятно, потому, что погода лучше. Но осенью и зимой тяжело. Вы в Менджиле всего несколько часов, но уже чувствуете необъяснимое беспокойство. Вы раздражаетесь по пустякам, а потом начинается тоска...

Не любил я Менджиля. Редко кто здесь засиживался, а если мимо проходили войска, то не любили устраивать здесь дневки. По необходимости лишь ночевали.

На всем пути от Энзели до Казвина, да, пожалуй, и далее до Хамадана и Керманшаха, деревни или заставы Энзели-Тегеранской дороги расположены одна от другой примерно в 20–30 верстах. Это расстояние как раз и составляло обычный дневной переход пехоты. Проходящие эшелоны приурочивали свой отдых, ночлег или дневку, к придорожным деревням и заставам.

В Менджиле уже нет растительности, из-за ветра. Только у городка, в лощинах, судорожно цепляясь за голые скалы, торчат кусты и деревья. Их зелень немного оживляет общий мрачный вид. За Менджилем, почти до самого Казвина, – горы.

Тоскливый, зловещий Ляушан. Полное отсутствие всякой жизни. Ни людей, ни птиц, ни животных. Здесь нет воды, оттого и жизни нет. Вода только в самом Ляушане. Впрочем, это только застава; нельзя же принять несколько жалких глинобитных построек за деревню.

Я очень люблю горы. Вспоминаю величественный Кавказский хребт с его гигантами Эльбрусом и Казбеком, помню зубчатые вершины Тироля, нежные краски горных альпийских массивов, но нигде, кроме Персии, я не видел такой скульптурности горных групп. За несколько десятков верст с перевала через огромное плато уже видны новые цепи гор; они видны как-то сразу, с нескольких сторон, – редко доминирует один горный кряж, – чаще всего их несколько сразу уходит вдаль, как будто бы рядом. Отдельные горы тоже видны как будто одновременно со всех сторон, и кажется, что все это нарочито создано невидимой гигантской рукой и поставлено высоко, чтобы вы могли видеть. Горы Персии – преимущественно известковые и меловые. Совершается вековой процесс. Мягкий состав горных пород подвергается выветриванию. В веках образуются осыпи. Оседают на склонах, у подножий, заполняют ущелья. Горные громады иногда зарываются в осыпи. Резкие очертания их постепенно исчезли, горы в веках становятся ниже. У Юзбаш-чая особенно странные голые горы – синие, зеленые, красные, многоцветные, больные. Неприятно смотреть. Как будто на земле или выросли красно-гнойные нарывы, или обнаружилась гангрена, которой свойственны особые, необыкновенные оттенки цветов. Горы эти – вулканического происхождения. В Персии много пород угасших вулканов новейшего времени. Некоторые из них, – еще в периоде сольфаторной деятельности – выделяют пары, горячую минеральную воду, в виде массы источников. На северо-западе Сехен и Савалан, Хазар-Кух близ Кермана, Демавенд. Краски горных пород у Юзбаш-чая – окиси железа, меди, свинца и других минералов. Они выбиваются из недр земли наружу, как будто нарочно, чтобы заявить о себе человеку. В этих горах все – золото, драгоценные камни, нефть, руды, уголь и мрамор. За годы моего пребывания и путешествий по дебрям Персии я много раз видел и мрамор, и руду, и уголь, пластами выходящие на поверхность земли. Один только раз – недалеко от Рудбара – я видел примитивную попытку брать чуть ли не с самой поверхности каменный уголь, – как наш антрацит. Обработка металлов – в зачаточном состоянии... Иностранцы производили горные изыскания, – особенно англичане и русские, – и установили наличность значительных богатств в различных местах этого плоскогорья.

²⁵ В этом районе Персии население говорит на турецком наречии.

* * *

К Казвину горы уменьшаются, переходят в холмы. Город стоит на равнине. Казвин, как и все персидские города, не похож на привычные для нашего взгляда европейские, в частности русские города. Общий фон – однообразный глиняный цвет. Дома из глины, изредка из камня или кирпича. В один этаж, иногда в два, а если в два, то это почти незаметно, – уж очень низки эти этажи. Издали, когда приближаешься к городу, кроме многочисленных и невысоких минаретов, ничто не возвышается над общим уровнем городских однообразных построек. Городу предшествуют сады. Не только Казвину, а всякому городу. Сады отдельно, а город отдельно. Прежде чем попасть в город, вы долго, несколько верст будете ехать или идти по садам, прекрасным тенистым садам, широко раскинутым по обеим сторонам главной дороги – шоссе или грунтовой. Здесь много воды, здесь сложная система искусственного орошения; небольшие каналы-арыки, которые и орошают почву, дающую такую густую растительность. Вода – с гор, от тающих снегов или речная... Реки в Персии скованы горами. Они быстры, порожицы, мелководны. Единственная судоходная река – Карун, да и то на небольшом участке. Персидские реки в плену у гор. Они немощны прорвать горные цепи и вырваться на свободу – к морю. Только один Сефид-Руд разорвал все преграды и свободно течет по нижней равнине Гиляна к самому морю. Жадное солнце сушит персидские реки, – вода испаряется.

Человеку тоже нужна вода. Еще до выхода реки на равнину он начинает отводить каналы для орошения склонов гор. На равнине отводных каналов еще больше. Река становится маловоднее, течение ее замедляется и она умирает в болоте или мелком соленом озере.

Тысячи лет из поколения в поколение передается предками потомкам священная обязанность беречь драгоценную влагу в этой слишком солнечной стране. Издалека, бережно и умело направляются потоки воды по скрытым каналам²⁶ долины и обильно питают искусственную флору. Иногда в долине, за десятки верст от горных хребтов, можно встретить длинную линию высоких бугров с ямами-отдушниками этих подземных водных стоков. Вода течет глубоко; припав к земле, можно услышать плеск или шум движения воды. Иногда это уже мертвая заброшенная артерия, представляющая лишь цепь глубоких, шириною в несколько десятков метров, ям. Живая вода течет теперь где-то по новым путям, орошает новые места, где выросли уже новые поселения. Древние сооружения кенатов грандиозны. Персы любили их строить, не жалея труда и средств. Древняя национальная религия воспитывала в персах уважение к земледелию и вменяла в обязанность заботу об искусственном орошении почвы и уходе за деревьями. Прошли века... Древняя вера забыта. Новая – ислам – относится равнодушно к земледелию. Страна обнищала...

После мучительного знойного перехода по равнине огромного горного плато, попадая в пригородные сады, чувствуешь и ценишь значение большого человеческого труда. В этих садах растут большие пушистые персики, сочные груши и яблоки, и кровавые гранаты, наполняющие в невиданном количестве рынки больших городов Персии и украшающие иногда лучшие магазины Москвы и Петербурга.

Но вернемся к городам Персии.

Тишина. Знойное солнце сковало город. Небольшое оживление только на площадях. На улицах мертво. Изредка, как будто скользя, бесшумно промелькнет таинственная фигура персидской женщины с закрытым лицом; понутив голову, перс лениво бредет позади маленького осла, чрезмерно нагруженного ношей. Кривые, бесконечно длинные, без названий, узкие улицы и переулки. Улицы – только грязно-желтые стены. Домов не видно. Они обращены внутрь своих дворов; поэтому дома совсем не имеют окон на улицу, а ворота и входные двери

²⁶ Кенат или кериз – подземный водопровод.

всегда на глухих запорах. В Персии личная жизнь интимная. Мужчина – неограниченный хозяин и властитель в семье, а магометанский закон, разрешающий многобрачие, определяет быт и характер семейных отношений. Женщина и теперь бесправна. Ее не может видеть чужой мужчина, и перс прячет от чужих и жену свою и дочерей, а вместе с ними всю свою семейную жизнь. Он отгородил дом свой от внешнего мира высокими стенами, и эти стены высоки не только с улицы, но и со стороны соседей. Публичная жизнь протекает частью на площадях, а больше в лабиринтах городских крытых базаров. Публичных зданий очень мало.

* * *

Сосредоточение русских войск шло очень быстро. Уже к двадцатому ноября они заняли исходные пункты и ждали приказа о наступлении. Как уже было сказано, операционных направлений было два, соответственно этому и отрядов было два – Хамаданский конный отряд, которым командовал подвижный и хитрый казачий полковник Фисенко и небольшой Конный отряд полковника Колесникова, двинувшийся на Кум.

Утром десятого ноября в Казвине необычное оживление. Осеннее солнце в Персии дает достаточно тепла и света. Воздух прохладный, густой. Когда дышишь, как будто пьешь драгоценный, тонкий напиток. Весело смотрят горы, и вся природа насыщена радостью жизни. У дворца губернатора – огромная толпа персов, спокойная, сдержанно молчаливая, а соседние крыши усеяны любопытными. На площади небольшой конный отряд. Три сотни кубанских казаков должны сейчас выступить в поход. Напряженное ожидание. Ждут командира корпуса. Казаки отдохнули от трудного пути, привели себя и лошадей в порядок, почистились, и теперь в строю смотрят молодцевато на странные дома, хитрую мозаику ворот губернаторского сада и чужие незнакомые лица. Казаки – в темно-серых черкесках и больших бурых папах, а за спинами яркими красными пятнами висят кубанские башлыки. Лошади стоят смирно. Лица у казаков серьезные. Они ждут командира корпуса и всем интересно послушать, что он скажет.

Может быть, скажет, что ждет их в ближайшем будущем...

Генерал Баратов верхом, на огромном гнедом коне, в сопровождении шести или семи верховых из штаба, медленно подъехал к казакам, поздоровался с сотнями, а затем обратился к ним с речью. Говорил он громко, и его молодежавый чистый голос было слышно во всех концах площади. Сотни замерли, ничего не понимающая толпа персов почтительно молчала, а гнедой генерала непрерывно поводил ушами. Баратов говорил о былой славе дедов и отцов кубанского войска, о лихих недавних делах казаков в Турции, о новом фронте, созданном нашими врагами – персидском и о той славе, которая ждет прибывших в Персию на новых полях сражений.

– Казаки, задача ваша трудна тем, что, прежде чем пустить в ход оружие и дать волю воинской доблести вашей, вы должны убедиться, точно ли враг перед вами. Помните, что с Персией мы не воюем, мы воюем с жандармами, желающими вовлечь Персию в войну с нами. Но старания подкупленных немецким золотом жандармов – напрасны, и Персия с нами не воюет. Мирным жителям не причиняйте обид. Помните завет Суворова:

– Мирного жителя не обижай, он нас поит, кормит и дает приют.

– Русские невинные мирные люди и союзники англичане, прогнанные с насиженных мест, ждут от вас защиты, а Россия ждет вашего нового подвига, – кончил генерал.

«Ура!», – кричали все, и русские и персы. Генерал в белой папаше, по-видимому, понравился. Когда он смеялся, то его белые зубы так же сверкали на солнце, как и у персов. Первая сотня пошла с трубачами, за ней потянулись другие, и было радостно смотреть на этот ровный шаг, на яркие башлыки, на веселую толпу персов, окружившую кольцом группу всадников генерала Баратова. Веселые звуки казачьего марша слабели, и толпа расходилась...

* * *

На полпути между Казвином и Хамаданом находится Султан-Булахский перевал. По имевшимся сведениям, германо-турки сосредоточили здесь большие силы, – до десяти тысяч человек, и заняли сильно укрепленную позицию, чтобы дать русским решительный отпор. По сведениям, полученным от персов, германо-турки решили разом покончить с русскими, поэтому и накопили в одном месте в горах такое большое войско. Они хотели разгромить русскую армию. Заманить ее подальше в глубь Персии, в горы, на непроходимые дороги, в ущелья, неизвестные русским, и там уничтожить. В крайнем случае, заставить бежать остатки этих сил в Энзели и Россию. Разведка говорила, что все горы Султан-Булаха усеяны турками и пушками, что враг имеется не только на шоссе, но и на грунтовых, близких к шоссе, дорогах. Что в германо-турецкой армии имеются отряды персидской жандармерии и разных племен.

Восточная фантазия не знает пределов, и персидские слухи всегда значительно преувеличены, но сведения о значительных отрядах жандармерии и приставших к ним племенах кочевников были безусловно достоверны. Позже узнали, что в штаб группы войск неприятеля, сосредоточенной у Султан-Булаха, о нас передавались такие же преувеличенные сведения. Персы докладывали:

– Русских высадилось свыше ста тысяч человек.

Нас было в это время в двадцать раз меньше. Оказывается, количество наших войск росло и увеличивалось прямо пропорционально расстоянию. В Казвине нас считали в пятьдесят, в Хамадане – в сто тысяч.

Конный отряд полковника Фисенко разбился на три небольшие группы и действовал в этой операции тремя колоннами: средней, – она же и главная – под командой самого Фисенко, по шоссе, и двумя обходными колоннами с обоих флангов. Колоннами командовали казаки – полковник Яковлев и войсковой старшина Лещенко. Движение этих отрядов было осторожным, быстрым и точным. Врага приказано было взять в кольцо с трех сторон. Дороги были неизвестны и почти непроходимы; скорее это были не дороги, а выючные тропы в диких и скалистых горах. Иногда такая тропа вдруг обрывалась, и приходилось много времени тратить на поиски новой. Иногда густая чаща леса, вывороченные с корнями деревья, столетние пни, горные потоки и водопады затрудняли движение казаков. Небольшие кубанские лошадки были неутомимы. Спокойно поднимались на скалы, спускались в пропасти и переплывали стремительные и холодные потоки.

* * *

Первая стычка наших и неприятельских войск произошла двадцать пятого ноября у с. Аве, на сто шестой версте от Казвина, у шоссе. Полковнику Фисенко донесли, что у Аве стоит значительный отряд жандармов и моджегедов. Были приняты меры предосторожности, и наши стали выжидать. Жандармы начали стрелять первыми, сначала одиночными выстрелами, а потом чаще и чаще. Затрещал пулемет. Как ураган налетели казаки Фисенко на врагов и моментально их смяли. Завязался бой по всей линии, так как казаки Яковлева и Лещенко также вошли в соприкосновение с противником, и в два дня, двадцать пятого и двадцать шестого ноября, участь грозного Султан-Булахского перевала и укрепленных на нем позиций была решена.

Бой шел на протяжении нескольких верст, участками. В этой операции, как выяснилось позже, против нас принимало участие более пятисот конных и пеших жандармов с артиллерией и 1200 всадников кочевников. Соппротивление было решительное. Но план окружения

был хитро задуман, в точности и быстро выполнен, а удар конного отряда был так стремителен, что неприятель понес значительные потери и бежал за перевал к Хамадану.

От Султан-Булахского перевала до Хамадана верст сто пути. Нужно пересечь по диаметру большое плато, и сколько возможно отряд Фисенко преследовал неприятеля, но жандармы и «добровольцы» разбежались в разные стороны и умчались на своих великолепных арабо-персидских конях.

До боев двадцать пятого и двадцать шестого ноября наши проделали быстрым маршем утомительный поход от Казвина через горы, а враги спокойно сидели в горах. Их кони были свежее. Дальнейшее сопротивление жандармы оказали отряду Фисенко недалеко от Хамадана, но и здесь лихим ударом казаков неприятель был сбит и отряд победоносно вошел в древнюю столицу Персии. В Хамадане войска немного отдохнули и продолжали наступление. Значительные бои имели место у Кянгавера на Бидессурском перевале на половине пути между Хамаданом и Керман-шахом – отряд подполковника барона Медем, и у Керманшаха – конный отряд генерала Исарлова. У Сахне и Биссутуна жандармы тоже продолжали сопротивляться.

* * *

Так проходили дни ноября и декабря вплоть до самого Рождества. Лили уже непрерывные дожди, дороги обратились в непролазное болото и стало холодно, особенно по ночам. Рассеянные отряды германо-турецких наемников быстро приводили себя в порядок и всячески препятствовали нашему движению к Керманшаху. Без боя они не сдавали ни одного села по шоссе. А у Керманшаха – уже в феврале, – собравшись в большую ударную группу, оказали очень упорное сопротивление. Наши действовали решительно и быстро. Приказы генерала Баратова исполнялись без промедления. Отдельные отряды совершали пятидесятиверстные переходы при перегруппировках, дабы обеспечить успех кампании начального периода персидского похода.

В феврале мы уже прочно стояли в Керманшахе, за семьсот верст от Энзели, на главной операционной линии.

В это же самое время на Кумском направлении конный отряд полковника Колесникова нанес ряд последовательных и сильных поражений германо-туркам у Лалекена, Саве, Кума и Исфагани, а конный отряд полковника Стопчанского, действовавший на третьем операционном направлении, разогнал и разбил довольно многочисленные скопища неприятеля у Султан Абада и Буруджира. Войска регулярной турецкой армии во всех этих разнообразных местах нового для русских театра военных действий были немногочисленны. Это были искусственные и чисто случайные соединения, которых объединяло только купившее их золото. Отряды состояли из персидской жандармерии, австрийских военнопленных, воинственных бахтиаров, луров, курдов, просто разбойников с большой дороги и любителей грабежа, войны и приключений. Такие отряды достигали иногда нескольких тысяч человек; их объединяло во время операции общее командование, но самые воины, недисциплинированные и дравшиеся по вольному найму за деньги, – иногда весьма небольшие, так как главный куш оставался всегда в кармане вождя, – не проявляли ни храбрости, ни стойкости. Всадники туземцы слушали только своего вождя, а вождь этот, всегда вперед получивший деньги, все же жизнь свою и своих воинов ценил дороже золота. Если во время начавшегося боя вождь видел, что положение непрочное, он дрался только для вида, и при первой возможности туземная конница уходила полным ходом в горы. Ищи ее!

Здесь всякий воин кавалерист. В военных операциях туземцев отряды – конные. Что бы здесь делала пехота!

Здесь ведь нет железных дорог и удобных путей сообщения, а расстояния огромные. Часто жизнь или смерть зависит от быстроты ног коня, и каждый настоящий воин стремится

иметь хорошего скакуна, чего бы это ни стоило. Да и, нужно признаться, кони здесь замечательные. Похожи на шахматных коньков. Благородные, беспокойные. Шея дугой... Хвост немного приподнят, пушистый и длинный, почти до земли. Конь под всадником не стоит спокойно; он гарцует, а когда гарцует, эффектно выбрасывает ноги. Для европейского глаза они совсем непривычны.

Они из легенды и сказки; они как будто сняты с картинки и их пустили скакать по горам и долам на потеху и забаву воинственного человека в диковинной земле. А скачут они воистину прекрасно!

Глава третья ОТРЕЗВЛЕНИЕ

У Фермана-Фермы был сын, Сардарь Ляшгяр. Русско-английская дипломатия давно добивалась назначения Хамаданским губернатором своего сторонника, и когда Ферман-Ферма вошел в кабинет министром внутренних дел, то Сардарь Ляшгяр получил место губернатора. Шведский майор Демаре, прибыв с отрядом жандармов в Хамадан, был недоволен этим назначением. Губернатор ему мешал. Демаре арестовал Сардаря Ляшгяра, а в Тегеран послал телеграмму с ультимативным требованием уволить министра Фермана-Ферму. Министр уволен не был, но наглость состоящего на службе Министерства внутренних дел офицера поразила многих. Демаре сам назначил губернатора по своему выбору. При содействии нового администратора происходила обработка общественного мнения, агитация против русских и англичан, устройство укреплений вокруг города.

Бой у Аве и на Султан-Булахском перевале, закончившийся разгромом жандармов и моджегедов, вызвал в Хамадане панику. Остатки разбитых отрядов своим видом, а еще больше рассказами о больших силах и злодействах русских, взбудоражили город. Началось бегство. Первыми стали уходить войска гарнизона. Около шести тысяч жандармов, всадников и добровольцев германо-турецкой службы молниеносно оставили город. Демаре, нагрузив караван выючных животных оружием и деньгами, двинулся на юг. Казна его пополнилась. В Хамадане было отделение английского «имперского банка Персии». Демаре захватил все деньги банка с собой, около 60 000 туманов серебром, а в качестве заложника увел с собой и Сардаря Ляшгяра...

Еще накануне Демаре уверял германского консула в непобедимости своих войск. Консул верил. Да и как не верить, когда тысячи всадников вооружены до зубов и снабжены пулеметами и артиллерией!

– От Аве до Хамадана больше ста верст... Да Аве за перевалом. Далеко еще...

– У Аве дрогнули жандармы?! Пустяки... Это нарочно русских заманивают в горы...

Консул обедал, когда в передней услыхал шум. От Демаре прибежали сказать, что русские – под Хамаданом и надо бежать.

Обед остался на столе, а сервировка попала в число трофеев отряда полковника Фисенко. Консул был возмущен.

– А сопротивление?

– Да уже все уходят, господин консул. Скорее, скорее.

Демаре посылал проклятия по адресу Наиба Туссейна и Заффара Нэзама.

– Разбойники, – кричал он – сколько они денег взяли! Да ведь русские еще в трех переходах отсюда, а они уже удрали. Ну, погодите же...

Город был занят без выстрела.

За несколько дней до разгрома на Султан-Булахе среди жителей Хамадана собирались подписи. За войну против русских и англичан. Агенты германо-турок, как будто почтенные граждане города, ходили по магазинам на базаре, по домам видных купцов и предлагали расписаться. Мялись, жались и подписывали. Губернатор подписался, такой-то тоже и такой. Было неловко, боялись, а все же подписывали. Говорили, что пошлют телеграмму в Тегеран с требованием, чтобы объявили войну.

Когда русские подходили к Хамадану, началось бегство из города.

Демаре не хотел брать с собою беженцев.

– Куда вы? Мы – воевать, а вы только мешать будете! Да и как бежать? Семья, дела на ходу, имущество... Ехать? Куда? Да и собраться времени нет! А что будет дальше?

Подписавшиеся решили положиться на милость победителей. Пошли на телеграф. Просили уничтожить их подписи под телеграммой.

– Да как же я уничтожу, – говорил начальник конторы, – телеграмма-то ведь послана!

Губернатор тоже мог уехать с Демаре, но не уехал. Вызвал к себе переводчика и стал сочинять телеграмму Баратову с просьбой о прощении. Телеграмму послал, а сам скрылся до поры до времени.

* * *

На Востоке люди очень доверчивы и охотно верят тем, кто умеет говорить настойчиво и убедительно. И в Персии верили силе и могуществу Германии и Турции, которые обещали ей свою помощь и говорили о разгроме России. Но на Востоке умеют считаться и с фактами. Падение Хамадана показало, что не все справедливо в словах германо-турок. Престижу германо-турецкого могущества был нанесен жестокий удар, но ни немцы, ни турки не пали духом. Сильные отряды их повели в свою очередь наступление по дороге между Хамаданом и Тегераном, пытаясь отрезать Хамадан от столицы. Силы противника настолько превосходили русский отряд, что сначала мы только оборонялись. Отбив удар, русские войска не дали времени германо-туркам собраться с новыми силами и возобновить наступление. Русский отряд стремительным и неожиданным нападением разбил германо-турецкие части и подошел к Куму. Взять Кум – это значило нанести поражение врагу в самое сердце. Ведь Кум был центром всего движения и главным штабом военных действий против России. С этим городом связалось представление о силе и организованности германо-турок. Как и под Хамаданом, однако, русским войскам здесь не было оказано никакого сопротивления. Казаки были еще далеко от города, как через южные Кумские ворота трусливо бежали и временное правительство, и деятели Национального комитета защиты ислама, и шведские руководители, и германо-турецкие вдохновители персидского движения.

Кум был пуст от пришлого элемента. Нашему отряду Баратов приказал соблюдать осторожность при занятии священного города, чтобы не оскорблять религиозных чувств мусульман. Начальник отряда в город сразу с казаками не вошел. Вызвал к себе губернатора и заявил, что город займет, но просил отвести для войск помещения. Губернатор, по соглашению с духовенством, указал соответственные кварталы и здания, которые и были заняты казаками.

Занятие Кума имело огромное значение не столько с точки зрения стратегической, как с политической. После Хамадана это был второй удар и более сильный. Отряды жандармов и всадников были разбиты и отброшены в глубь страны. Руководители движения «священной войны» были оторваны от своей временной столицы, от своих войск и от центров активных действий. Приходилось думать уже не о продолжении войны, а о собственном спасении, и при бегстве выбирать лишь надежную дорогу.

Баратов осматривал войска Кумского района. Награждал казаков крестами, говорил речи, осматривал госпиталя. Поехал в Кум. Еще при въезде в город его остановила депутация от горожан и духовенства. Седой как лунь мулла сказал:

– Мы говорим то, что думаем. Раньше мы боялись русских войск, мы боялись за наши святыни, жизнь и имущество. Но мы напрасно беспокоились. Русские уважают нашу веру и нравы. Мы горячо благодарим Вас и ваши войска за гуманное отношение к мирным жителям и за внимание, проявленное к кумским святыням и обычаям страны.

Первые известия об успешных боях русских войск на Султан-Булахском перевале были получены в Тегеране двадцать пятого ноября, в день исторического заседания кабинета министров. Последующие известия, в особенности взятие Хамадана, произвели в столице большое смятение. Еще двадцать пятого ноября Мустафиоль-Мамалека посетила депутация от тегеранского купечества и потребовала от него объявления войны России и Англии. Падение Хамадана

произвело переворот в умах. Купечество выбрало новую депутацию к шаху и уполномочило ее просить повелителя Ирана соблюдать в отношении воюющих держав полный нейтралитет. Уполномоченные заявили шаху, что народ не хочет войны с кем бы то ни было. Переговоры с Россией и Англией о заключении союза также должны быть прерваны, ибо никто в Персии не желает войны с единоверной Турцией. Шах обещал.

Мустафиоль-Мамалек был потрясен. Он ошибся только в одном дне. Он поторопился. Карьера его испорчена. Он заявил, что уходит в отставку и подождет лишь некоторого успокоения внутреннего положения Персии. Декларация открыла карты. О переговорах с Россией и Англией уже не может быть и речи. Но надо действовать...

В турецком посольстве и австро-венгерской миссии обнаружилась полная растерянность. Отданы распоряжения об отъезде и упаковке вещей для дальнего путешествия.

– В Исфагань? Тревожные слухи: говорят, дорога занята русскими. Хамаданская дорога тоже перерезана, Нуверен занят.

– В Керманшах?...

Однако не все еще потеряно. Тегеран переполнен жандармскими частями, отрядами воинственных всадников, преданных Германии и Турции. Жандармы в казармах Юссуф-Абада, Баге-Ша и Гассан-Абада ждут только приказа о выступлении... Нет, положительно не все еще потеряно! Если Тегеран восстанет, события могут еще повернуться. Нужно только выиграть время. Ведь турки могут от Багдада через Керманшах начать наступление по Тегеранской дороге! Важно, чтобы Тегеран держался...

Так думал Мустафиоль-Мамалек, принц Рейс, Эдваль и многие другие поджигатели пожара на Востоке.

* * *

В воскресенье шестого декабря разведка отряда полковника Колесникова сообщила, что у селения Саве накаплиются вооруженные всадники. Поймали языка. Пленный утверждал, что отряд небольшой, подчиняется Амир-Хепшату, но что ими командует не сам вождь, а один из его помощников. Саве находится примерно на полпути между Тегераном и Кумом в 75 верстах к северо-западу от Кума. В понедельник части отряда Колесникова подтянулись к Саве и стремительной атакой смяли неприятеля. Всадники состояли из добровольцев, на вербованных агентами принца Рейса, в количестве шестисот. В это время другие отряды Амир-Хешмата сосредотачивались у Тегерана, верстах в сорока между Рубад-Керимом и Кереджем. По имевшимся у русских сведениям, отряды намеревались вступить в Тегеран. Русские войска сжали Амир-Хешмата с двух сторон. Казаки Колесникова, только что действовавшие у Саве, форсированным маршем направились к Рубад-Кериму с юга, а с севера из Энги-Имама выступил другой свежий отряд. Десятого разразился бой. Германо-турецкий наемный отряд состоял из полутора тысяч человек: восьмисот добровольцев под командой самого Амир-Хешмата и семисот жандармов, руководимых шведами. Казаки обстреляли неприятельские позиции артиллерийским огнем из горных орудий, а потом бросились в атаку. Среди всадников туземной кавалерии произошла паника, и они бросились врассыпную по направлению к горам. На поле сражения остались человек тридцать убитых, сто восемнадцать раненых и около семидесяти пленных.

Тегеран пережил тревожные часы. Заседания кабинета министров шли непрерывно. Пальба орудий с поля сражения доносилась до города. Тегеран метался. Враги и друзья с одинаковым трепетом ждали исхода боя. По городу ползли невероятные слухи. Через многочисленные ворота Тегерана в разных направлениях уходили жители, уезжали экипажи, тянулись груженные караваны вьючных животных. Бежали скомпрометировавшие себя из обоих лагерей, ибо не знали они, кто победит. Бежали напуганные мирные граждане, чтобы спрятаться на

несколько ближайших дней в окрестных деревнях, поместьях, у знакомых или родных. Боялись восстания в городе, переворота, резни. А основания были.

Если бы седьмого декабря казаки у Саве не разбили добровольцев, то в Тегеране разразились бы грозные события. Германо-турками и их друзьями был разработан следующий план. Часть добровольцев должна была привлечь на себя русских в окрестностях Саве, а остальные в это время с Амир-Хепшатом во главе предполагали войти в Тегеран. В городе к добровольцам должны были присоединиться жандармы во главе с Эдвалем и бахтиары. В результате образовались бы значительные силы, которые смогли бы обезоружить персидских казаков, напасть на здания миссий держав согласия и совершить государственный переворот. Шаха предполагали заставить остаться в Тегеране и фактом своего присутствия одобрить весь план. Если русские будут наступать на Тегеран и городу будет угрожать опасность, выехать во главе с шахом и правительством на юго-запад. Этот план объяснял все. И нервное возбуждение, царившее в городе последние дни. И слухи об отъезде шаха, правительства и турецко-немецких агентов, и поспешные приготовления Эдвалия и его жандармов к отъезду. Амир-Хешмат колебался. Его отряд у Саве был разбит. Казаки могут подойти к Тегерану. Входить ему в город или нет?

– Как в городе? Как настроение? – спрашивал по телефону Амир-Хешмат вождей бахтиаров.

– Мы Вас ждем, – отвечали ему.

Но Амир-Хешмат не решился. Его поджидала судьба у Рубад-Керима. На валу, окружающем Тегеран, правительство расставило вооруженных полицейских, приказав им отразить добровольцев, если они сделают попытку войти в столицу. Напрасно! Судьба Тегерана и этого правительства решилась у Рубад-Керима. Впрочем, она решилась еще накануне, у Кума. Известие о падении Кума произвело впечатление бомбы, брошенной в пороховой склад.

– Бежать. Но куда? Кажется, все дороги перерезаны!..

Германо-турки, шведы во главе с Эдвалем и жандармы покинули город. Захватили арсенал, взрывчатые вещества и бросились в горы. Следом за ними, по горным дорогам и только им одним ведомым горным тропинкам, рассеялись шайки бахтиаров, сарбазов и всадников. На улицах Тегерана, вместо мундиров и кепи австрийцев, вместо курток цвета хаки моджегедов принца Рейса, появились русские военные мундиры и фуражки, казачьи черкески и слышалась русская речь...

Кабинет Мустафиоль-Мамалека пал. У власти стал престарелый принц Ферман-Ферма. В Тегеран навещаются русские гости – начальники отрядов, должностные лица. Через город, в южном направлении на Кум, Кашан и Исфагань бегут «форды», грохочут грузовики... Население подавлено мощностью русского вооружения и успехами побед нашей армии.

* * *

Персидская экспедиция генерала Баратова обязана своими успехами прежде всего той скрытности, с которой войска успели сосредоточиться в Казвине, а затем быстроте и энергии натиска, похожими на туркестанские походы Черняева и Скобелева. Баратов знал Восток и понимал, что лучший способ борьбы с плохо дисциплинированными скопищами неприятеля заключается в непрерывном преследовании однажды поставленной задачи. Задача была – разгромить еще не законченную организацию и концентрацию сил противника. На Востоке волевой элемент в психике развит слабо, а потому ряд коротких и сильных ударов по врагам, расстроив их ряды, должен был парализовать энергию к объединению многочисленных вождей воинствующих племен. Баратов рассчитал правильно. Но, разгромив главные силы германо-турок у Хамадана, Тегерана и Кума, он не остановился. Операции развивались на всех трех главных направлениях. Заняв за Хамаданом Ассад-Абадский перевал, русские войска открыли себе путь в долину верхних притоков реки Каруна и перешагнули через горные

хребты, отделяющие внутреннюю Персию от бассейна Персидского залива. С занятием Кума в нашу власть перешла почти вся плодородная долина Карачая, по которой протекает кратчайший путь из Тегерана в Багдад. Северная дорога из Исфагани в Багдад также была перерезана, поэтому германо-турецкие руководители в Персии были отрезаны от своей Месопотамской базы.

* * *

В горных ущельях и лесах Гиляна, в глубоком тылу русских войск стали проявлять активность отряды Кучик-хана и Хассан-хана. Они нападали на обозы, транспорты, мелкие отряды русских и мешали правильной коммуникации фронта с тылом. В конце декабря Баратов приказал покончить с воинственными вождями племени дженгелийцев. С запада на Решт была двинута одна колонна казаков, а с юга к северо-востоку, в леса, – другая. В этом походе принимало участие несколько сот казаков; на их долю выпали большие невзгоды. По заваленным снегом тропам, по обледенелым скалам, в непроходимых дебрях лесных гор, скудно питаясь, они в течение двух недель дрались с превосходившими во много раз их силами. Проваливались в снег лошади, падали казаки, отмораживали руки и ноги, и шли вперед, и согревались только в бою. Кучик-хан был настигнут, окружен и разбит. Ему удалось с небольшим отрядом спастись; победители захватили пленных, сотни капсюлей и ручных гранат...

* * *

Отряды курдов Турецкого Курдистана еще только поджидали нас, но уже несли германо-турецкую службу. Из Сенне, горными тропами, они перевозили из Турции в Персию оружие, несли службу связи – передавали важные известия, инструкции.

Чтобы прервать сообщения наших противников с западной турецкой границей, по распоряжению Баратова из Зенджана в Сенне был послан отряд персидских казаков во главе с есаулом Мамоновым. Этот отряд образцово нес свою службу, несмотря на недостаток в теплой одежде и обуви. Это один из редких случаев, когда персидские казаки под властью хорошего начальника оправдали произведенные русским правительством на них затраты.

* * *

Бежавшие из Тегерана, Кума и Хамадана организаторы персидского движения не прекратили своей работы. Наступление колонны русских войск на Кум было столь неожиданно, что победителям удалось захватить все военные припасы германо-турок и кумского комитета. В предположении, что русские войска при наступлении минуют Исфагань, немцы решили возобновить заготовку военных припасов в этом городе. Был организован патронный завод, работающий непрерывно днем и ночью под непосредственным наблюдением германского поверенного в делах Карднера. Энергичный дипломат оставался в Исфагани до конца, то есть до самого наступления русских войск.

* * *

Бидессурский перевал брали под Новый год.

Кянгавер заняли без боя. К западу от города находился укрепленный перевал – основной опорный пункт германо-турок по дороге нашего движения к Месопотамии. Здесь, в первый раз с начала операции, русским пришлось иметь дело с большими турецкими силами, зани-

мавшими укрепленные позиции в горах и располагавшими значительной артиллерией. Занятие Бидессурского перевала должно было открыть дорогу русским войскам в Керманшах. Подготовка к операции заняла около месяца. Исправляли дороги на Ассад-Абадском перевале, подвозили оружие и продовольствие в Хамадан, а главное, перед решительным наступлением на Керманшах Баратов стремился обеспечить левый фланг, ввиду ожидавшихся выступлений германо-турок со стороны Исфагани. Успешные бои у Буруджира, закончившиеся разгромом враждебных племен, и занятие Кашана по дороге на Исфагань решили эту задачу. Основательная подготовка Кянгаверского боя дала блестящие результаты. Турецкие войска были атакованы с фронта и флангов одновременно. Бой был жестокий и закончился полной нашей победой. Неприятель бросил четыре орудия, пулеметы и весь лагерь с богатой военной добычей. Конница генерала Исарлова преследовала противника, а затем последовательно после серьезных боев нами были заняты Сахне, Биссутун и наконец Керманшах. Русские ворвались в Керманшах на плечах отступающих германо-турецких войск, после сильного боя.

Укреплениями у Керманшаха руководил военный германский агент генерального штаба, генерал граф Каниц, бывший душой всей сложной германо-турецкой затеи в Персии. После падения Хамадана, Кума и Тегерана в Керманшах пробрались беглецы из этих мест – немцы, турки, шведы, отряды жандармов и непримиримые политические деятели-персы. Здесь же были организованы значительные курдские отряды и собрано много германо-турецкого военного имущества. Естественно, в течение января тысяча девятьсот шестнадцатого года Керманшах был главным центром германо-турок в начавшейся войне. С падением Керманшаха они лишались главной базы на персидской территории. Поражение немецко-турецких войск под Керманшахом и занятие города русскими должно было произвести большое впечатление на тех персов и курдов, которые еще верили в силы «защитника и покровителя Ислама». Моральное значение этих событий должно было отозваться на англо-месопотамском и на кавказско-турецком фронтах. С взятием Керманшаха русские войска были у ворот Месопотамии.

* * *

Граф Каниц переживал трагедию.

Молодой, энергичный и блестящий, он увлекал своими проектами зажечь пожар в Персии и принца Рейса и самого фон-дер-Гольц-пашу. Он яркими красками рисовал перспективы создания огромной персидской армии из добровольцев, зажигал энергией и верой в успех начатого дела своих сотрудников и не жалел средств на организацию. Главнокомандующий турецкими армиями на кавказском и месопотамском фронтах, которого уже называли командующим и несуществующими армиями Персии и Афганистана, придавал работе Капица большое значение. Гольц-паша приезжал через Багдад в Керманшах, чтобы ознакомиться с новым фронтом. Он был недоволен.

– Денег истрачено много, а результаты ничтожны.

– Огромная территория занята русскими, а успехов вооруженной борьбы не видно.

Приезд Главнокомандующего совпал с неудачами у Кума и Тегерана. Каниц показывал высокому гостю укрепления у Керманшаха и Кянгавера, но и это не было одобрено. Укрепления, по мнению генерала, были слабы, а войска ненадежны. Гольц-паша уехал, а Каниц в Керманшахе поставил на карту свою жизнь. Карта была бита, и в день падения Керманшаха граф Каниц застрелился....

* * *

В течение указанных двух с половиной месяцев операции наши были блестящи. Гений победы русской армии прибыл сюда вместе с нею. Из нескольких десятков стычек, битв и слож-

ных операций не было ни одной неудачной для нас. Сражения происходили на всех трех операционных направлениях: Казвин – Хамадан – Керман-шах, Казвин – Саве – Кум – Исфагань, Казвин – Султан – Абад – Буруджир. Эти операционные линии охватили громадный район – центр жизни всей страны. На этом пространстве были сосредоточены мозг, душа и все нервы государственного организма. Общественное мнение было заранее настроено против русских, а потому в первый период военных действий мы были окружены тайными врагами и недоброжелателями. Эти враждебно настроенные, иногда очень влиятельные люди, из местных властей и населения, со злорадством следили за высадкой русских войск в Энзели; они пытались пугать нас преувеличенными сведениями о силах неприятеля, были при армии вражеской разведкой и распространяли о поведении русских войск разные небылицы. Были и такие, которые искренне думали, что персидский поход – авантюра, обреченная на неудачу; они знали, что войск мало, а условия войны в Персии крайне тяжелые. Поэтому впечатление о русских победах было очень сильным. Вся Персия пришла в изумление. Мы сразу приобрели много друзей, а враждебные голоса замолкли. Результаты этих побед были очень значительны. Не только район бывшей «сферы влияния» был очищен от германо-турецких войск, но русские заняли значительно большее пространство – шириной восемьсот верст по фронту и столько же верст в глубину, т. е. сделались полновластными хозяевами на территории, во много раз превышавшей районы, примыкавшие к России. Уже через два месяца после высадки мы держали в своих руках все рычаги для дальнейших успешных военных и административных действий. Политику отныне мог указывать лишь командир корпуса. Ключ от нее находился в руках генерала Баратова. Тегеран теперь должен был соблюдать нейтралитет и помогать нам в снабжении армии и поддержке лояльности среди населения и враждебных племен. Впрочем, эти племена и их вожди переменили свою тактику активной вражды или выжидания и стали усиленно искать русской дружбы и покровительства. Они всячески стремились проявлять признаки своего расположения, а некоторые приняли меры к заключению с русскими союза, чтобы воевать против германо-турок. Одни вожди приехали сами на поклон к генералу Баратову; другие, по восточному обычаю, привезли подарки; третьи просто предложили себя и свои отряды в распоряжение штаба корпуса. Такой результат наших успехов был крайне важен, так как по местным географическим и бытовым условиям враждебные отряды в дальнейшем могли бы стеснить наши операции, главным образом в отношении добывания фуража и продовольствия.

Конному корпусу нужно было много припасов, и хотя за них войска немедленно расплачивались персидским серебром, продукты не всегда можно было приобрести. Сторонники германо-турок при приближении русских войск прятали зерно, зарывая его в землю. Иногда войска производили обыски, и спрятанный корм находили в погребах или потайных закромах. Приказами командира корпуса под страхом военно-полевого суда войскам было вменено в обязанность воздерживаться от всяких насилий и принудительных действий по отношению к мирному населению. Отобрание имущества и реквизиции воспрещались и строго наказывались. Эти приказы имели большое значение. Лояльное поведение войск быстро сказалось. Безразличие и враждебность со стороны населения исчезли. Мы стали замечать радушие и предупредительность. «Кардаш», т. е. брат, – слово, которое чаще всего можно было слышать при обращении персов к казакам и солдатам.

Велика была радость и ликование русских и английских колоний в разных городах, а в особенности беженцев, собравшихся в Казвине. Опять открылись банки, управления дороги, учреждения и торговые конторы. Изгнанные из мест жители вернулись на свои места. На консульских домах России и ее союзников опять были подняты флаги. Войскам устраивали овацию, а Баратова осыпали цветами. Упоенный победами и успехом, он писал в приказе по войскам: – «Мирная жизнь персидского населения, нарушенная боевыми действиями, вошла в свою колею... Великодержавное имя России и нашей союзницы Англии были силой нашего оружия и успехов снова восстановлены и подняты на подобающую высоту. Движение же наших

войск до Керманшаха с выдвижением передовых отрядов до самого Керинда не могло не отозваться благоприятным образом на положении дел у наших союзников под Кут-Эль-Амаром».

Ликвидация немецко-турецкой авантюры в Персии близилась к концу. Прекратилась агитация в народе, которую вело духовенство; прекратилась пропаганда священной войны, пропаганда против русских и англичан; прекратилась мобилизация кочевников, восхищение немцами и германофильство. Наступило отрезвление, и остатки немецко-турецких наемников бежали по дороге Каср-и-Ширин и Багдад. Уже пал Исфагань, а после него Иезд; Керман и Шираз выражают свою покорность, уверяют в благожелательности новое правительство и просят прислать губернаторов «для восстановления порядка и спасения их от тирании тех, кто перешел на сторону немцев». Даже восставшие против русских жандармы просят пощады. Шираз, цитадель немецких интриг, обратился к изгнанному губернатору с просьбой возвратиться к месту службы и послал навстречу ему почетный эскорт-охрану – жандармов и всадников. Немцы не ожидали столь печальных для себя дней. Их авантюра в Персии закончилась кровавой трагедией для них самих. Провокаторские приемы поняты персами, и прежние друзья стали врагами. В Ширазе уже идут стычки между персами, «восставшими» было против англичан и русских, и немецкими агентами. В Кермане на улицах – кровавые столкновения между бахтиярами и австрийскими солдатами.

Немцы – Васмус, Цейгмайер, Кардорф, Шуман и другие – бегут в Месопотамию через дебри Поштекуха, единственный оставшийся для них не отрезанным путь.

Надежды организаторов священной войны на восстания в Афганистане и Индии рухнули.

В сочельник пятнадцатого года Тегеран посетили русские гости – генерал Баратов и офицеры штаба. Пребывание именитых гостей в Тегеране было непрерывным праздником и для приезжих, и для всей русской колонии.

Баратов делал визиты...

Англо-русский кабинет Фермана-Фермы иллюминировал город, устраивал парады и банкеты. Послы союзных держав кормили обедами, говорили речи, посылали телеграммы... Персидская казачья бригада блистала смотрами, гимнастическими упражнениями и джигитовкой. Шах был милостив и доволен. Кажется, кончились распри. Нет больше двусмысленной игры. Можно отдохнуть и повеселиться. В торжественных аудиенциях, обставленных с восточной пышностью, при большом стечении двора и нотаблей, шах благодарил Баратова за образцовое поведение русских войск и за их дружелюбное отношение к населению. В знак особого благоволения к гостю шах пожаловал ему высшую награду – «темсал», т. е. свой портрет, осыпанный бриллиантами, для ношения на шее...

Забавляли молодого повелителя Ирана. Казачий конвой Баратова состоит из лучших танцоров и певцов кавказской армии. В Фараг-Абаде, в залах охотничьего замка, в присутствии двора и многочисленных гостей, плясали казаки лихую лезгинку и пели свои буйные песни...

В залах дворца Сагаба Ихтиари – русский бал в пользу больных и раненых. Здесь избранное общество столицы. Русско-французская речь. Персидские костюмы. Киоски, цветы из лучших оранжерей, ковры и миллионы огней. Горят плошки, светильники, лампы, хрустальные люстры... В просторных залах дворца не жарко. Европейские дамы блещут туалетами. Аромат французских духов смешался с тонким запахом розового масла и благовонных мазей... Гремит оркестр...

– Гимн, гимн, персидский, русский, английский, французский!..

Победители веселятся. Тегеран спокойно встречает новый европейский год...

Глава четвертая

ГЕНЕРАЛ БАРАТОВ

Когда я пришел к нему в первый раз, он наговорил кучу приятных вещей. Обворожил. Он сидел за письменным столом и говорил, что в корпусе недостаток врачей и сестер милосердия; нет медикаментов и мало санитарных перевозочных средств. Он был в черной черкеске с блестящими генеральскими серебряными погонами, коротко остриженный. Глаза его узкие, карие, живые – как будто смеялись. Прямой кавказский чуть-чуть хищный нос. А когда улыбался, были видны ослепительно белые здоровые зубы. Говорил он немного в нос, но это была скорее манера или привычка. Лицо широкое, красное, и весь он дышал здоровьем и энергией. Ему было лет пятьдесят. Когда я вошел, он встал. Было видно, что он небольшого роста. Он был легкий, подвижной, а когда разговаривал, машинально крутил ус и поглаживал небольшую с проседью бородку.

Еще в Москве, помню, телеграммы с Кавказского фронта часто сообщали, что отряд генерала Б. лихим и стремительным ударом смял, разбил противника; вышел ему в тыл, окружил или преследует. Это было в тысяча девятьсот пятнадцатом году в Турции. Мы в Москве не знали, что это генерал Баратов, но я хорошо запомнил генерала Б.

Два брата, грузинских князя, поссорились между собой во время пирушки, и в запальчивости один пырнул другого кинжалом. Пришлось бежать. Через горы грузин попал на Терек к казакам. Здесь не спрашивали, кто он и зачем пришел. Записался в казаки, женился и зажил новой жизнью. Воевал, был офицером и совсем okazaчился. Сын его жил там же, тоже воевал и за боевые отличия заслужил звания урядника и вахмистра и чины хорунжего и сотника. Женился на осетинке и умер в должности командира сотни и начальника своей станицы Галагаевской. Сотник Баратов умер, а вдова повезла его тело для похорон в Моздок. Очень мучилась в пути, ибо носила младенца. У гроба мужа в станице Магомет-Юртовской лежала рожевица, а рядом маленький Николай Николаевич...

Позже, когда я уже был хорошо знаком с ним, я как-то сказал:

– Из кавказских народностей, вы, осетины...

– Позвольте, – перебил меня П.П., – я казак.

Любил свою мать Н.Н. нежно и глубоко и не расставался с ней до самой ее смерти. Он родился в бедности и годы детства провел в родной станице Сунженской.

На смотрах и парадах генерал любил обходить ряды и беседовать с солдатами и в особенности с казаками.

– Ты какой станицы?

– Такой-то.

– А ты?

– Сунженской.

– Постой, как же твоя фамилия?

– Такая-то.

– Ах, так ты, значит, сын такого-то?

– Так точно.

– Ну вот, как хорошо, ведь мы с твоим отцом товарищи, мальчишками росли, вместе по станице без штанов бегали...

Казаки смеются. Любят, когда генерал шутит, но знают, что это правда, и приятна им эта шутка-правда, и гордятся они своим генералом. В станице бегал босиком, и – помню, – говорит, что одна подтяжка у меня через плечо устроена, мать смастерила.

Мать работала, не покладая рук, хлопотала за сироту и добила войсковой стипендии. Так начал учиться, и сразу же обнаружил большие дарования будущий первый офицер Генерального штаба в Терском казачьем войске.

* * *

В японскую войну командовал родным Сунженско-Владикавказским полком, а Великая война застала его во главе 1-й Кавказской казачьей дивизии, славные полки которой вошли в состав Персидского экспедиционного корпуса.

Одинаково ровный, любезный и ласковый со всеми: с генералами, офицерами, солдатами и казаками, генерал очень популярен. Но одной любезности мало. Солдаты и казаки не будут любить за одну любезность и справедливость. Их вождь должен быть храбр. Он не может не быть храбрым – их командир.

На Ассад-Абадских высотах кипел бой. Баратов в белой папахе на своем гнедом с группой офицеров – на пригорке. Картина боя как на ладони. Пули изредка долетают и сюда. Широко взмахнув, как птица крылом, рукавом черкески, подскакал хорунжий Гацунаев к Баратову и говорит «величайшую дерзость»:

– Ваше превосходительство! Солдаты и казаки из цепей не могут драться, все оглядываются на Вас... Они говорят:

– Кому здесь место, а кому и не место.

Гацунаев был ординарцем и влюблен в своего командира корпуса. Весь дрожал при мысли, что шальная пуля может причинить несчастье. Казаки очень любили Баратова. Называли его «наш». Слагали песни и рассказывали анекдоты:

Дело было под Кериндом,
Дело славное, друзья,
Халил-бей с Исхан-пашою
Не давали нам житья.
Наш Баратов бодр и весел,
Всех к победе он ведет.
Что ж казак ты нос повесил?
Веселей гляди вперед!

Им было дорого в праздник видеть его в церкви, всегда впереди; он выстаивал всю службу. Казаки знали, что он религиозен, и любили молиться с ним. Они чувствовали искренность его веры и с уважением говорили об этом между собой. Очень занятой, Баратов не пропускал церковных служб, и в религии, в общении с Богом разрешал свои сомнения и черпал новые силы. Он выходил из храма просветленный и был еще ласковее и доступнее, чем прежде.

Он прекрасно говорит. Четко, громко, округленными фразами. Немного длинно, но образно и интересно. В армии любили его слушать. Особенно казаки. Он всегда находил и интересную тему, и меткое слово. Слушали внимательно и неделями, потом обсуждали тему и перефразировали слова своего командира корпуса.

* * *

Это было еще до Персидского фронта в Турции. Великий князь Николай Николаевич получил назначение Главнокомандующим Кавказского фронта и, приехав на Кавказ, объезжал некоторые части фронта и позиции. Должен был посетить и «баратовскую» дивизию. По кав-

казскому обычаю, в штабе на скорую руку был приготовлен стол – дастархан²⁷. Великий князь должен был принять приглашение. На Кавказе, где любят и умеют пить, ни один банкет, ни одна пирушка в любой среде, в особенности в военной, не обходится без председателя пира. Тулумбаш или тамада должен быть обязательно. Это вовсе не должен быть старший. Выбирают того, кто умеет быть веселым, руководить и поддерживать веселье. Тулумбаш – застольный диктатор. Он должен уметь говорить сам, заставить слушать тосты, вовремя бросить шутку, затянуть песню, и держать в руках свободную, разгоряченную вином компанию. Идеальный тулумбаш незаметен, но это самый интересный и активный участник пирушки. Он должен уметь пить, т. е. со всеми и в меру. Он должен следить, как пьют другие, умело создавать обстановку, чтобы все пили в меру. Его кавказский застольный девиз выявлен в песне:

– Пей, но ума не пропивай.

Баратов первый тулумбаш на Кавказе. Он любит веселье. Не пьет, только делает вид, что пьет. Он очень находчив, остроумен, и вокруг него за столом подлинное веселье.

Великий князь, как известно, был очень строг. Приехал хотя и опальным, но страшным дядей Государя. Это был тысяча девятьсот пятнадцатый год. На дастархане тулумбашем был Баратов. Великий князь не знал, по-видимому, кавказских обычаев, а может быть, и знал, да не хотел считаться с ними. Без разрешения тулумбаша никто не может обратиться к присутствующим с тостом. Великий князь встал и начал говорить.

– Извините, Ваше высочество, – перебил его генерал Баратов, – Вы оштрафованы.

В глазах у Великого князя появились огоньки, а кругом все смолкло.

– Как оштрафован? Кем и за что? – спросил Великий князь. Баратов ответил:

– По кавказскому обычаю *никто* не может говорить без разрешения тамады. Нарушивший закон подвергается штрафу. Не угодно ли будет Вашему высочеству осушить этот штрафной бокал?

Сосуд был изрядный, и Великому князю пришлось выпить его до дна. Баратов предоставил высокому гостю слово, а потом затянул кавказскую застольную:

Нам каждый гость дается Богом,
Какой бы ни был он среды,
Хотя бы в рубище убогом
Алла-Верды, Алла-Верды²⁸...

Великий князь был очень доволен таким оборотом дела, а на фронте и в Тифлисе одобряли поступок Баратова, отстаивавшего кавказскую традицию.

Позже, когда было решено послать в Персию войска, Великий князь остановил свой выбор на Баратове, зная, что это не только храбрый генерал, но и дипломат. Успехи русских войск в Персии, спокойствие тыла, безопасность движения небольших отрядов, транспортов и отдельных лиц – результат не только нашей силы, но в значительной мере – дипломатического искусства Баратова. Он действовал не только угрозами и угрозами; он умело использовал свойства вождей воинственных племен. Иногда он мирил закоренелых врагов, создавая у них общий интерес, или, наоборот, – соседи или друзья должны были поссориться. Администраторы на местах из персидских чиновников получали русские ордена и с гордостью носили ленту Станислава. Зато войска наши у такого администратора имели хлеб, мясо и фураж.

Персы любили Баратова. В городах за ним бежала толпа, а при объездах необъятного фронта, в деревнях, на дорогах, прохожие снимали шапки, кланялись и приветливо улыбались. Это – за мудрость мирной политики. Когда стало известно о революции в России и в Персии

²⁷ Походное угощение.

²⁸ «Господь с тобой». Слово непереводимое. Вообще означает приветствие.

появились думские деньги – «керенки» с изображением Таврического дворца – здания Государственной думы, персы неохотно принимали при расчетах эти деньги.

– Караван-Сарай, нехорошо, не нужно, – говорили они, – давай портрет Баратова.

И они выразительно показывали место на кредитке, где должен быть портрет генерала.

Им казалось:

– Здание мертво, революция – непорядок.

В их представлении, Баратов был реальным воплощением мощи и кредитоспособности Русского государства.

Русский, безгранично любящий Родину, выросший за пределами Терека, Баратов принадлежит уже не Терскому войску, а всей России. Умный, патриот, он всегда был прогрессивным, а когда разразилась революция и прошла по фронту, он понял смысл событий и не вел борьбы ни тайной, ни явной против забившей ключом политической жизни в армии. Чтобы удержать войска на фронте, нужно было сотрудничать с комитетами и комиссарами, и Баратов это осуществлял искренне, мастерски и с огромной пользой для Родины. Когда Баратов входил в заседание армейского комитета, уже после Октябрьской революции, – в знак уважения к вождю армии все члены комитета вставали и бесшумно садились на свои места.

* * *

Позже мне приходилось наблюдать популярность Баратова и за пределами Персии, на пространстве всего многоплеменного Кавказа. Как казак Терского войска, он пользуется большим уважением на Северном Кавказе, и после смерти Караулова атаманский жезл предназначался Баратову. В Тифлисе – грузины, в горах разноплеменные горцы, одинаково считают его своим. В Азербайджане у мусульман и армян, извечно кровных врагов, Баратов пользуется одинаково большим уважением и известностью. Ведь в состав Персидского корпуса кроме казаков входили солдаты всех племен Кавказа. Они разнесли славу о нем по всем станицам Кубани и Терека, аулам и саклям Дагестана, Азербайджана и Грузии.

У Баратова доброе сердце; он никогда не отказывает просителю и любит слушать советы. Но только слушать. Его интересует мнение, часто по очень серьезному вопросу, его адъютанта, штабных офицеров, казаков и солдат. Он выслушивает их всех, но всегда поступает по-своему. Думают, что Баратов по мягкости поддается влиянию других. Это неверно. Говоря с другими, советуясь, он только контролирует себя и пытается шире осветить вопрос. Но поступает всегда по-своему. Он прожил очень интересно, да и сейчас живет так же. Он из тех счастливых, про которых еще при жизни и сказки рассказывают и песни поют.

Глава пятая

ЛЕТУЧКА

Земский «форд» бесшумно скатился с перевала и мчался по ровной дороге. Нас двое. Оба помощники уполномоченного Всероссийского Земского Союза. Я недавно переменял адвокатский фрак на френч и сейчас смотрел на все с большим интересом. Михаил Григорьевич Запорожец, приехавший на пару месяцев раньше, уже год пробыл на другом фронте и держал себя как старший. У него охотничье ружье центрального боя и фотографический аппарат через плечо. Иногда автомобиль останавливался, и Запорожец безрезультатно стрелял по горным курочкам или шелкал аппаратом. Было очень жарко. На шоссе серая известковая пыль. Движение воздуха ощущалось только во время езды. Опять лопнула шина.

– При такой жаре и сам лопнешь, – ворчал шофер.

Он возился с колесом, а мы беспомощно стояли на самом солнцепеке на дороге, пересекавшей огромное плато. Далеко на горизонте полукругом шла горная цепь, а на десятки верст кругом голое пространство без всякой растительности. Может быть, где-нибудь и была зелень, но ее не было видно. Все было выжжено. Высоко над головой кружили какие-то большие птицы, по-видимому, горные орлы. Мы их уже раз видели у Сираба. Тогда их спугнули шумом машины. Они лениво поднялись и уходили от автомобиля в направлении гор, тяжело раскачивая огромными крыльями, чтобы подняться на нужную высоту. Их много у Сираба. Они неподвижны и издали похожи на желто-серые камни или глыбы, пятнами застывшие у самой дороги. Это кондоры; у них белая голова и голая шея. Кроме нас троих у машины и орлов, кругом нет ничего живого. Дышать трудно, а в автомобиль забраться нельзя, так как заднее колесо на домкрате. Шофер возится как-то особенно долго на этот раз, хочется пить, а фляги уже пусты. Невыносимо жарко в толстом суконном френче. Сонливое состояние.

Наконец автомобиль тронулся, стало веселее. Проехали через какую-то деревушку. Желто-серые глинобитные стены без окон, плоские голые и куполообразные крыши, и только в стороне от деревни один дом получше других, по-видимому, принадлежащий хану-помещику. Несколько полуголых ребят выбежали на шум автомобиля, да в одном месте таинственно куда-то за угол шмыгнула женская фигура, застигнутая внезапно на улице. Потом опять серая дорога, солнце и однообразный ландшафт. Впереди на дороге крестьянин. Он гонит небольшой караван, с десятков ослов, обремененных ношей – большими связками саману²⁹. Усталые животные еле перебирают ногами; кажется непостижимым, как такие маленькие животные могут нести на себе этот громадный груз.

Автомобиль напугал погонщика. Гудок ревет, а ослы безучастны. Они сбились в кучу и стоят неподвижно. Шофер сердится, гудок хрипит. Перс кричит и, толкая ослов в зад, по одному стаскивает их в придорожный ров. Он уступает дорогу. Потом час он будет возиться, приводить в порядок расстроенный караван.

Автомобиль мчится опять по серой и знойной дороге.

* * *

У самого Кянгавера за садами показалась группа всадников, человек пятнадцать. Впереди на раскрашенной серой лошади сидел высокий худой перс с палкой в левой руке; на палке белый сокол. В группе было несколько всадников. Кони гарцуют, вычурно выбрасывая в сторону стройные ноги. Шеи их как будто нарочно изогнуты вниз; все они на мундштуках, а хво-

²⁹ Мелко нарезанная солома.

сты и гривы у некоторых окрашены в оранжевый или голубой цвет. Центральной фигурой был хан, ехавший со своими гостями и челядью на соколиную охоту. Небольшой, толстый, с большими черными глазами, в белом чесучовом сюртуке, хан сидел на чистокровном арабе и неумело подпрыгивал в английском седле. Все, кроме хана и еще двоих, были в черных, наглухо застегивающихся сюртуках, и, по-видимому, были слуги. Группа была очень эффектна и напоминала наши соколиные охоты прежних времен. Да, Персия живет еще в эпоху натурального хозяйства, со своим укладом, полукрепостным правом, помещиками и соколиными охотами!

– А вот и Кянгавер! – сказал Михаил Григорьевич.

Кянгавер показался справа на бугре. Ряды плоских крыш, очень скученно гнездившихся одна к другой. Много двухэтажных домов и потому входные двери и окна вторых этажей видны. Слева густой сад, а справа несколько круглых старинных полуразвалившихся башен.

– Кянгавер – долина смерти, – продолжал Запорожец. – Вы видите – городок-то на горке, а внизу все сплошь болото. Здесь мириады мошкар, комаров и ужасная малярия! Говорят, здесь девяносто процентов смертности. Вон на тех горах, – он показал рукой на восток, – живут курды, но живут только теперь, летом, когда жарко и малярия. Зимой они живут в долине, а на лето все племя – с женами, детьми, скотом, скарбом и палатками – снимается и оседает в горах. Чем живут? Войной, разбоем, разводят скот.

– Много ли их? Гм, трудно ответить. Я думаю, никто не знает. Курдов в Персии тысяч пятьсот, шестьсот, а луров, говорят, больше миллиона. Вообще кочевников – миллиона три-четыре наберется. Кочевников здесь называют «илятами», т. е. племенами, в отличие от оседлого населения...

– Ну нет, по всей Персии они все же не кочуют. Да им и неинтересно. Они имеют право кочевать без стеснения в пределах своих территорий... Ну, не знаю, в привычных местах, что ли! Летние становища или кочевки называются яйлаки, а зимние в долинах – кишлаки. Они пользуются полной автономией. Натуральных повинностей не несут... Как называется это племя, около Кянгавера, – не знаю. Масса племен...

– Вы спрашиваете, – налоги? Да как же с них получить? Нет, не платят... Может быть, где-нибудь и платят?! Во всяком случае, крайне редко.

– А что же, они мусульмане?

– Курды?

– Нет, вообще – кочевники.

– Формально конечно, они в большинстве – процентов восемьдесят – шииты, но среди них масса сектантов. Есть такая секта – Ахл-и-Хакк, или секта «людей истины». Они веруют в периодическое воплощение божества. Персы-шииты называют их «Али-илахи», т. е. обоготворители Али, зятя Магомета.

– Откуда Вы это все знаете, Михаил Григорьевич? – спросил я.

– Откуда?

Он посмотрел на меня.

– Человек один есть в Тегеране. Русский. Вот поживете, и Вы с ним познакомитесь. Любопытный тип. В Персии живет двадцать лет. Много чудес рассказывает. Ну, так вот... на чем я остановился. Да, о кочевниках. Кочевому образу жизни благоприятствует масса факторов. Во-первых, общий упадок персидской экономической культуры. Пригодные для обработки земли заброшены. Арыки, керизы засорены. Леса истреблены. Кем? Временем, войнами, историей. Конечно, и специфические климатические условия Персии имеют значение. Средняя высота нагорий Иранского плоскогорья – тысячи четыре футов над уровнем моря. Но здесь масса нагорий – плато в восемь, девять тысяч футов. Они высоки, для земледелия негодны. А летом эти нагорья покрыты травой – великолепные пастбища. То же нужно сказать и о более низких равнинах. Летом они выжжены солнцем, как это плато. Видите, что кругом, а зимой здесь трава! Для скота хорошо. Кочевники и занимаются скотоводством. Примитивным, конечно.

Овцы, козы, молоко, шерсть. Об улучшении пород они и не думают. Понятия не имеют. Тоже и о способах стрижки шерсти. Никаких забот. Шерсть продают. Торгуют. Ну, как торгуют? Грубая шерсть идет на бечевки, палатки, шатры, а из нежной делают войлоки, ткани. Не они, конечно, работают, а в городах персы-ремесленники... Между прочим, верблюжью шерсть в большом количестве вывозят из Персии в Европу. Вот я вспомнил о верблюдах! Мы их с Вами уже видели. Здесь масса караванов, в особенности верблюжьих. Персы любят верблюдов. Лошадь здесь на втором месте. На первом вьючное животное – мул, осел, верблюд. Лошадь менее вынослива, да и кормить ее дорого. Осел и верблюд едят всякую дрянь – сухую траву, колючки, мох. О них мало заботы, а выносливость!.. Куда же лошади! Верблюды здесь в большом почете. Все делают. Даже почту возят. На востоке Персии – большие пустыни. Так, через эти пустыни – дромадеры³⁰ служат почтовыми курьерами. Выносливые бестии!

Запорожец умолк. Мы уже ехали по кривым ухабистым переулкам города.

– Видите, как я вас просвещаю, – сказал Запорожец и выскочил из автомобиля около двухэтажного невзрачного дома.

* * *

Мы должны были осмотреть Кянгавер и выяснить возможность открытия здесь первого земского лазарета. Городок небольшой на полпути между Хамаданом и Керманшахом. Назревала крупная операция – на Багдад, а войска на этом участке от Хамадана до Керманшаха протяжением больше двухсот верст не имели ни одного лазарета, ни одного питательного пункта, ни бани... Ничего, кроме этапных пунктов. В Кянгавере стоял сводный эскадрон Первой кавказской кавалерийской дивизии и этапная рота. Ханский тенистый сад всегда был наполнен солдатами, идущими на Керманшах и обратно, измученными дорогой и жарким солнцем. Кянгавер был естественной станцией двухсотверстного пути; здесь нужно было открыть госпиталь, питательный пункт и баню. Так и было сделано. Командир корпуса настаивал на этом, и мне пришлось учиться на живом деле. Я никогда не видел питательного пункта и не знал, как vypadается котел и как выглядит кипяtilьник. Сотрудники мои, два врача и девять сестер милосердия, были люди хорошие, и некоторые из них имели опыт. Дело закипело. Через две недели в ханском доме и в двух палатках в саду разместился небольшой госпиталь на 100 кроватей. На питательном пункте весело дымили котлы, вмазанные у садовой стелы, и стояли четыре новеньких жестяных кипяtilьника. Человек сто в день получали обед и чай. В саду у северной стены поставили навес, и до сотни проходящих мимо усталых солдат могли одновременно в нем разместиться на отдых.

* * *

В узкой длинной комнате с маленьким окном у самого потолка после обеда сидело человек шесть земцев. В комнате, приспособленной под столовую из какого-то чулана, было прохладно, и не хотелось уходить. Вбежал солдат и, запыхавшись, сообщил, что из Керманшаха по телефону уполномоченного просит командир корпуса. Оказалось, что звонил корпусный врач по приказанию командира корпуса, требовавшего безотлагательно послать санитарный отряд вперед в Керинд, за 200 слишком верст отсюда, и там развернуть лазарет. Это было очень трудно сделать, так как во всем был недостаток, а главное, не было денег и перевозочных средств.

Корпусный врач кричал в телефон:

³⁰ Одногорбые верблюды.

– Так Вы отказываетесь? Отказываетесь? Так и доложить командиру корпуса?

– Мы не отказываемся, но я только указываю вам на затруднения, в каких мы находимся. Разрешите подумать и дать вам ответ через полчаса.

Когда персонал узнал о содержании разговора, в столовой поднялся шум. Сестра, графиня Б., девушка лет двадцати, категорически заявила:

– Мы не поедem.

Старшая сестра милосердия, светлейшая княжна Л., тоже сказала, что ехать нельзя, так как «тетя Мисси» запретила куда-нибудь двигаться без разрешения. Так звали свою тетку, уполномоченную В[сероссийского] З[емского] С[юза] в Персии графиню С.А. Бобринскую, ее племянницу, сестры милосердия Б. и Л.

С докторами было еще хуже. По их словам выходило: медикаментов мало, персонала тоже. Если разбить все пополам и отправить в Керинд, то выйдет ни то ни се. Доктор Д. упирался:

– Я не выеду из Кянгавера, пока старшая сестра не извинится за вчерашнее оскорбление.

Вчерашнее оскорбление заключалось в следующем: в Персии после жаркого дня, вечером, обитатели города располагаются на крышах. Крыши плоские, и в каждом доме есть специальная винтообразная лестница с глиняными ступеньками из внутренних покоев на такую крышу. По вечерам персонал лазарета обычно проводил короткое время на плоской крыше ханского дома, любясь золотым закатом и синевою гор, жадно глотая прохладный воздух после трудового знойного дня. Старшая сестра признала недопустимым с точки зрения морали, нравов такое сидение в поздний час одной из своих подчиненных на крыше, и тут же при докторе отчитала сестру, приказав ей удалиться. Сестра в слезы. Еще утром я пытался всех помиловать. Неудачно. Обиженная сестра к обеду не вышла, а доктор и Л. сидели с надутыми лицами.

После разговора с корпусным врачом я слушал горячие споры, отказы, а потом заявил решительно:

– Господа, вы поедете во главе с доктором Д.; зауряд-врач Бетюцкая и сестры: Бобринская, Михеева и Мальцева. Я поеду с вами тоже.

– Я не поеду, – решительно заявил Д., – я уезжаю в Россию завтра же.

– В таком случае Вы будете арестованы. Завтра мы выступаем, в 6 часов утра. Господа, готовьтесь.

Я пошел к телефону и соединился со штабом. Повозки и лошадей дали драгуны, денег тоже. Старый, седой северянин, полковник Д., хоть и сожалел, что мы уезжаем – он уже влюблен в девятнадцатилетнюю М., – но сказал, что мы делаем отлично, что едем, и что Бог нам поможет. Толстый, с красным лицом и огромными седыми бакенбардами, он сердито вращал серыми глазами и хрипло кричал на вестовых:

– Уполномоченному приготовьте рыжую кобылу со звездой, а сестрам посмирнее. Да седла осмотрите! Линейку вам дам на всякий случай. Да плюньте, все будет в порядке! Пойдемте водку пить.

* * *

Выехали в седьмом часу утра. Частью верхом, частью на линейке. В дороге обогнали два фургона, отправленные в Керинд еще накануне вечером, с медикаментами, бельем и посудой. Обгоняли караваны вьючных верблюдов, ослов, катеров с товарами. Караваны разные – очень большие, до тысячи животных, и маленькие, не более десятка. Большие ходили по ночам. Днем очень жарко. На дороге ночью движение было сильнее, чем днем. Уже издали слышался мерный, однообразный звук сотен колокольчиков идущего каравана. Огромный, грязно-желтый верблюд, вожак, разукрашенный цветными тряпочками, важно, почти торжественно выступая «впереди каравана, несет на шее большой колокол; он мерно раскачивается и в такт шагу вер-

блюда позванивает тихо и низко. Верблюды идут один за другим; они связаны и у всех на шее колокольчики разных размеров и тона. Бесконечной кажется эта цепь огромных неуклюжих животных, несущих в пустыне неизвестно откуда и куда большие тюки. Ночь очень темная и прохладная. Луны нет, и путь освещают только большие рогатые звезды. Небо черное, а звезды особенные – большие и блестящие. В тишине ночи звон одномерный и печальный, на тысячи ладов рассказывает какую-то восточную сказку. Стало грустно. Те же звуки уже волнуют, и хочется, чтобы перестали звонить колокольчики и исчезли проклятые горбатые верблюды.

– Должно быть, кто-нибудь из штаба.

Сзади показался автомобиль, и два его огромных блестящих глаза осветили дорогу, и нас, и караван верблюдов, сбившихся перед автомобилем в кучу. Автомобилю ждать некогда, он должен обогнать караван, а резкие свистки машины только еще больше пугают животных. Они уже бегут бестолковой толпой, безобразно теряясь, давя друг друга, теряя тюки по дороге. Автомобиль пытается их обогнать, но по обеим сторонам шоссе – канавы, и автомобиль, ускоряя ход, только ускоряет бег глупых животных. Ни один не догадается свернуть с дороги, и кажется странным, почти фантастическим, этот бесцельный бег огромных обезумевших животных, подгоняемых вперед бледно-желтым светом машины.

От Кянгавера шли почти без остановки, и когда добрались до Биссутуна, то так измучились, что никто не в состоянии был идти смотреть достопримечательности, об осмотре которых уже мечтали давно. Переход был сделан изрядный, в семьдесят верст. С непривычки сильно болели ноги, ныла спина и все тело было разбито. Подходили к Биссутуну бесконечно долго; все казалось, что до скалы рукой подать, но проходили часы, а она казалась все такой же недосягаемой, далекой и страшной. Пошел дождь, и последний час шли под дождем. Но вот и Биссутун. Расположились бивуаком, слева за дорогой, там, где группа деревьев. Решили провести здесь остаток дня и ночь. Какие здесь красивые горы! Справа, у самой дороги, грандиозная отвесная скала Бегистан. Высоты – саженей триста, четыреста. Когда стоишь внизу – немного страшно. Кажешься таким маленьким и ненужным, и хочется убежать подальше. Бегистан – жилище богов. По мифологии греков, эта скала была посвящена Зевсу, а обольстительная Семирамида насаждала здесь висячие сады. На каменных террасах, постепенно уменьшавшихся кверху, насыпалась земля. Каменные колонны поддерживали террасы. Сооружение имело вид громадной ступенчатой пирамиды. На насыпанном грунте были посажены разнообразные растения, привезенные со всех концов Древнего мира. Растения орошали водой, которую подавали на верхние террасы гигантскими насосами. Прошли тысячи лет. Семирамида – легенда. Была ли такая царица? Не знаем. Висячие сады остались. Они не совсем такие, как древние, но они есть до сих пор в Персии. Я видел подобие этих садов у Сингистанского хана под Хамаданом...

Через долину амфитеатром тянутся цепи гор: синих, черных, розовых и белых. Небо синее, как бирюза.

Скоро наступила ночь. Хотелось спать, но нельзя было найти сухого места. Сестрам устроили нечто вроде маленькой палатки, и они ползком разместились рядом. Доктор предполагал провести ночь, скрючившись на линейке, а я с вестовым расположился на земле. Седло под голову, завернувшись в бурку, спалось отлично; ночью накрапывал дождь, и стало холодно. Однако усталость была так велика, что, несмотря на дождь, продолжали спать. Отряд хоть и торопился в Керманшах, но все-таки решено было наскоро осмотреть достопримечательности Биссутуна.

* * *

Дорога, по которой мы шли на Керинд, являлась военным путем еще в глубокой древности. Это исторический путь царей Мидии, Ассирии, Персии, Александра Македонского,

Валериана Надир Шаха, всех вторжений арабов, монголов, татар, османлисов. Это – путь мусульманских пилигримов к святым местам и исторический путь проникновения персидской цивилизации в Месопотамию, и цивилизаций – вавилонской, ассирийской, греческой и арабской в Персию. Это здесь, у Биссутуна, находится барельеф персидского царя Дария Гистаспа. Со стороны шоссе, над головой, на высоте десятка саженей, на этой огромной скале высечен барельеф, на котором отчетливо сохранились человеческие фигуры. Царь Дарий сидит в кресле. Перед ним девять пленников – евреи, мидяне, вавилоняне с преклоненными головами, со связанными на спине руками. Высокие прямолинейные фигуры с клинообразными бородами, они в полтора, два раза больше натуральной величины человека. Они замечательно сохранились, и тайна этого заключается в искусстве древних архитекторов. Они поставили барельеф в скале в наклонном положении, под таким углом, что капли дождя с верхней горизонтальной рамы не могут попадать на самые фигуры, и должны были не стекать, а капать мимо них. Барельеф не подвергся в веках действию разрушения воды. Он стоит двадцать пять веков, но он такой же, как будто сделан вчера. Огромное пространство в несколько саженей по сторонам барельефа испещрено клинообразными надписями. Персидский завоеватель написал на трех языках – персидском, эламском и вавилонском – о своих победах, о своих военных действиях против восставших царей Мидии, Вавилона, Армении и других правителей Малой Азии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.